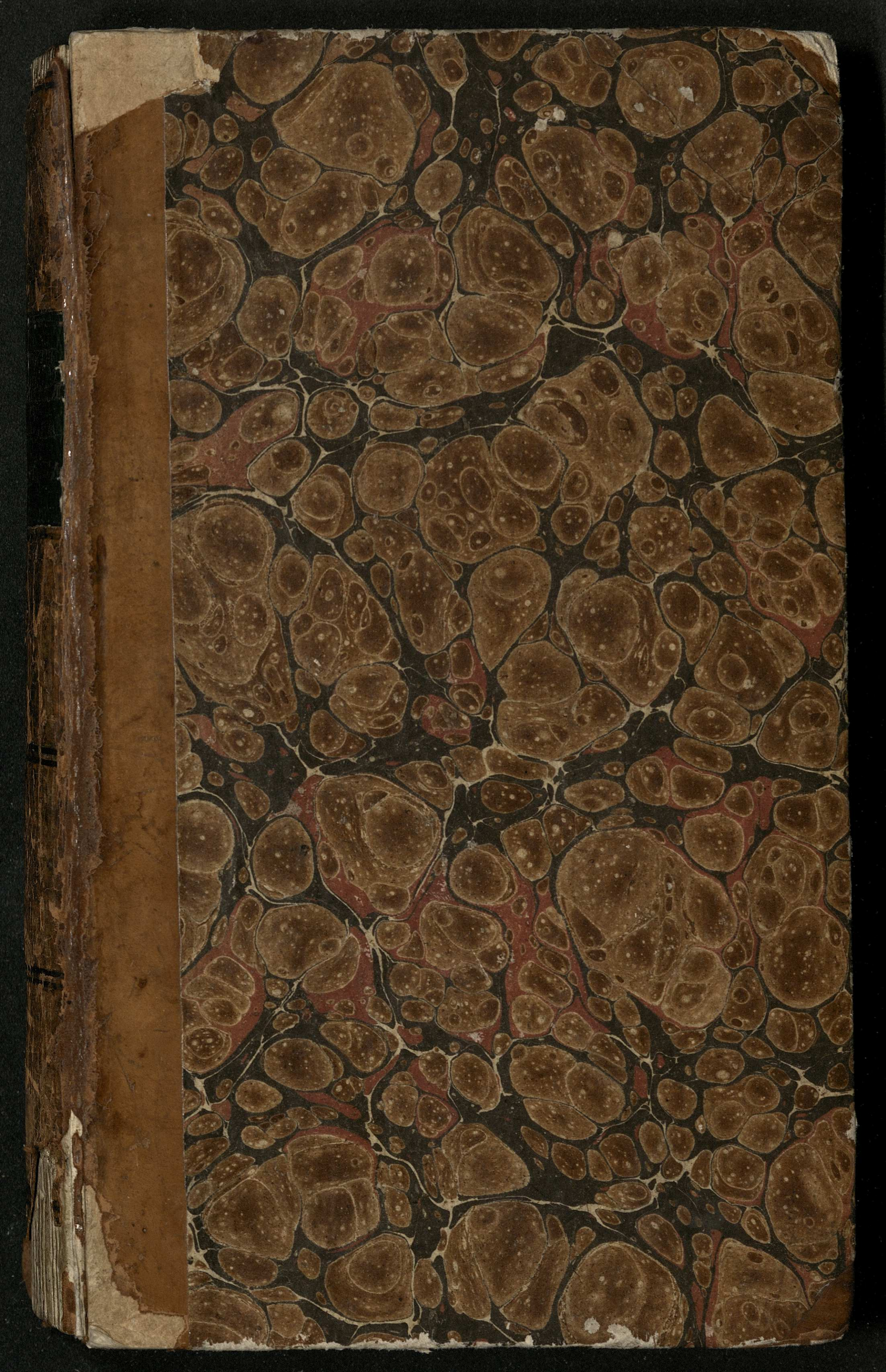

ОТВѢТЪ
Генералъ-Маїора
БОЛТИНА
НА ПИСЬМО
КНЯЗЯ ЩЕРБАТОВА,

Сочинителя Россїйской Исторїи.

Укоряющїе насъ болѣе намъ полезны, нежели ласкательствующїе.

Пиѳагоръ.

изданїе второе.

Во Градѣ Св. Петра,
печатано въ Императорской Типографїи,
иждивен. И. Глазунова, 1793 года.

Не могъ я никакъ предвидѣть, писавъ примѣчанiи мои на Леклерка, что досажу тѣмъ кому либо изъ моихъ соотечественниковъ, и возбужу противъ себя его негодованiе; и долженъ ли я былъ ожидать непрiятныхъ себѣ послѣдствiй въ исполненiи намѣренiя столь честнаго, благороднаго и отъ всякiя корысти отчужденнаго? Уже увѣнчаны были труды мои всеобщимъ одобренiемъ отъ всѣхъ любящихъ Отечество и Истинну; уже вкушалъ я сладкiе плоды удовольствiя, которымъ безмездное сiе воздаянiе сердце мое наполняло, какъ увидѣлъ вышедшую въ свѣтъ книжку, подъ названiемъ: „Письмо Князя Щербатова, Сочинителя Россiйской Исторiи, къ одному его Прiятелю, „въ оправданiе на нѣкоторые сокрытые и явные охуленiя, учиненные его Исторiи отъ „Г. Генералъ-Маiора Болтина, Творца примѣчанiй на Исторiю древнiя и нынѣшнiя „Россiи Г. Леклерка.„ Любопытство мое было чрезвычайно узнать, какiе тѣ суть *сокрытые и явные охуленiя*, кои знаме-

нитый Сочинитель Россійской Исторіи нашелъ противъ себя въ тѣхъ моихъ примѣчаніяхъ, тѣмъ болѣе, что мысль таковая въ голову мою никогда не приходила. Прочетши увидѣлъ, что негодованіе его противу меня въ *сокрытыхъ охуленіяхъ*, было по истиннѣ напрасное, что всякой усмотрѣть и безъ объясненія моего можетъ; по чему и отвѣчать бы мнѣ на писанное имъ не было нужды. Но какъ угодно было ему и нѣкоторые другіе мѣста изъ моихъ примѣчаній, которые никакъ къ его Исторіи не относятся, замѣтить погрѣшностями и заблужденіями, и подъ словомъ *оправданія* явнымъ образомъ, негодованіе свое изъявляя, самаго меня невѣжею представить въ такихъ вещахъ, коихъ по истиннѣ стыдно бы мнѣ было не знать; и для того, чтобъ не вмѣнено было молчаніе мое за признаніе, принужденнымъ нашелся на письмо оное отвѣтствовать.

§ I.

Начинаетъ онъ письмо свое непомѣрною похвалою моего сочиненія и моея учености, чего я на свой счетъ и тогда бы не принялъ, когдабъ то и не иронически было

сказано. Касательно до того, что яко бы я многіе приводилъ мѣста изъ разныхъ Писателей, кои, по мнѣнію его, съ предлежностію не сходствуютъ, и выписывалъ доводы изъ такихъ книгъ, которыя свѣтомъ забвенію уже преданы; отвѣтствовать я не могу за тѣмъ, что Сочинитель письма не благоволилъ указать именно тѣхъ мѣстъ, кои онъ за несходствующіе съ предлежностію признаетъ, также и тѣхъ книгъ, кои онъ забвенными въ свѣтѣ почитаетъ. Однакожъ дозволительно мнѣ подумать, что, можетъ быть, ему и тѣ самые обстоятельства, изъ приводимыхъ мною, показалися несходными съ предлежностію, которые въ самой вещи суть сходны и приличны; также и нѣкоторыя изъ книгъ, на кои я ссылался, можетъ быть показалися ему забвенными въ свѣтѣ такія, которыя у всѣхъ еще въ памяти. Однакожъ не утверждаю, чтобъ не могла быть въ томъ и моя ошибка, или по недостатку разборчивости въ вещахъ, или по невнимательному соображенію обстоятельствъ. Вкусъ въ людяхъ столь же различенъ какъ и лица; одному то нравится, что другому противно, а по

тому и о мнѣніи другихъ, тѣмъ паче цѣлаго свѣта, заключать по собственному мыслей расположенію есть безмѣстно.

§ II.

Послѣ сказанной похвалы моей учености, которою я никогда не тщеславился и не превозносился, приступаетъ Сочинитель письма къ объясненію предложенныхъ ему отъ Пріятеля его вопросовъ, изъ коихъ перьвой состоитъ въ томъ: „Для чего онъ толь темно „и необстоятельно о древнемъ произхожденіи Россійскаго народа писалъ?„ второй: „Чего ради въ Исторіи своей ничего не упомянулъ о лѣтописи Іоакима Епископа Новгородскаго?„ . . . Не имѣлъ ли бы я нужды на тѣ объясненія его возражать, ежели бы нѣкоторые мѣста изъ нихъ до меня не относилися, и для того, оставляя все прочее, о нихъ только и буду говорить.

Темно и необстоятельно писалъ, говоритъ онъ, для того что многихъ *нынѣ существующихъ помощей не имѣлъ*, а именно: „Россійской Исторіи Г. Татищева, выписокъ „изъ Константина Порфирогенита, Ѳеофила „Сагерта Беера, и сочиненія о разныхъ

„древнихъ народахъ обитающихъ въ Россіи,
„Г. Миллера; а ради сравненія въ языкахъ,
„первой части Словаря двухъ сотъ языковъ;„
давая сими словами разумѣть, что я, при помощи оныхъ книгъ, болѣе имѣлъ удобности учинить розъисканіе о сказанной предлежности. „Однакожъ, говоритъ, со всѣми сими
„помощами и знаніемъ многихъ языковъ, я
„пошлюсь на самаго Г. Болтина, хотя его
„сочиненіе о древнемъ произхожденіи на-
„родовъ и кажется мнѣ хорошо, но со всемъ
„тѣмъ довольно ли достаточно оно для изъ-
„исканія всѣхъ трудностей?...„ На слова сіи отвѣчаю: изъ сказанныхъ книгъ нѣкоторыя подлинно мнѣ пособіе во многомъ дѣлали, однакожъ и безъ помощи ихъ, могъ бы я, все находящееся въ нихъ, почерпать изъ самыхъ тѣхъ источниковъ, изъ коихъ Сочинители оныхъ брали; съ различіемъ тѣмъ токмо, что излишній бы трудъ употребить былъ долженъ. Сочиненія Г. Миллера о народахъ обитающихъ въ Россіи я по сіе время не читалъ. Изъ словаря двусотъ-язычнаго нѣсколько словъ я заимствовалъ, и онъ подлинно для сравненія языковъ довольною помощію быть можетъ, однакожъ

не такою, каковою воображаетъ въ немъ найти Сочинитель письма. Но колико онъ обманывается заключая, что сіи токмо книги имѣлъ я пособіемъ себѣ въ написаніи касающагося до оныя предлежности! Однакожъ, какъ бы то ни было, не выдаю я написаннаго мною о семъ за совершенное и изящное, но токмо за вѣроятное и сходное. Нашелся бы я, можетъ быть, въ состояніи что ниесть достаточнѣе и удовлетворительнѣе о сей предлежности сказать, но, писавъ примѣчаніи мои на Леклерка, ни приличность, ни цѣль намѣренія моего того мнѣ не дозволяли. Я говорилъ о томъ только отрывками, и не болѣе сколько того требовало мѣсто, на которое я возражалъ. Не имѣлъ я предметомъ моимъ дѣлать розыскапія о произхожденіи древнихъ народовъ, а токмо открыть Леклерковы заблужденія и невмѣстность его мнѣній и предложеній; и успѣхъ въ семъ моемъ намѣреніи одобреніемъ Публики засвидѣтельствованъ.

Между тѣмъ какъ я на сіе мѣсто Сочинителя письма отвѣтствую, пришла мнѣ мысль въ голову, и довольно кажется вѣроятная, не сіе ли самое изпроверженіе мое Леклерковыхъ заблужденій, касательно сказанныя

предлежности, разумѣетъ онъ *сокрытымъ охуленіемъ своей Исторіи*; ибо и онъ тожъ самое о родопроизводствѣ Руссовъ, Славянъ и Сарматъ написалъ, что и Леклеркъ? Но ежель я и ошибаюсь въ моемъ заключеніи, то по крайней мѣрѣ не безъ основанія. Вотъ тѣ мѣста въ его Исторіи, кои Леклерка заблуждать заставили: что Руской народъ до крещенія былъ кочевной, Т. I. въ Предисловіи стр. 2. и во Введеніи стр. 6; что языкъ Славянскій сходенъ былъ съ Рускимъ, стр. 5, 98, 99; что Сарматы, Скифы и Славяне были соплеменны, о томъ въ Предисловіи и во Введеніи на многихъ мѣстахъ утверждается; что Рурикъ съ братьями были Нѣмцы, стр. 105, что Кій, Щекъ и Хоревъ были Персіяне или Арапы, стр. 116; что Гунны жили на берегахъ Днепра и построили Кіевъ и еще два города Щековицу и Хоревицу, коихъ никогда не бывало, стр. 120; что Гунны и Авары говорили языкомъ Татарскимъ, стр. 121; что Рурикъ пришелъ изъ Лифляндіи, стр. 185, и пр. Леклеркъ также народъ Руской дѣлаетъ кочевнымъ; Сарматъ, Славянъ и Скифовъ полагаетъ быти однородцами; Рурика выводитъ изъ Ингріи;

Гунновъ поселяетъ на брегахъ Днепра и пр.; разнствуетъ только въ томъ, что Кія не дѣлаетъ Персіяниномъ, сочтя то можетъ быть сумнительнымъ. . . . Ежели я опровергалъ Леклерка во всемъ вышеписанномъ не правильно, охуленіе относится ко мнѣ; а естьли правильно и основательно, того не должно брать на счетъ тѣмъ, кои его заблуждать заставили, ибо отъ него зависило вѣрить или не вѣрить, послѣдовать или отвергать ими написанному. Я изпровергая его ни кого не подразумѣвалъ, ниже самаго его лично имѣлъ моею цѣлію; но токмо его клеветы и злословіи.

Сочинитель письма извиняется предъ своимъ Пріятелемъ въ темномъ и необстоятельномъ написаніи о произхожденіи Рускаго народа „незнаніемъ ученыхъ языковъ, „несвѣденіемъ словъ разныхъ населяющихъ „Россію народовъ и другихъ, и неимѣніемъ „тогда довольной помощи.„ . . . Положимъ что Пріятель его сочтетъ такое извиненіе достаточнымъ, относительно къ розъисканію о произхожденіи Рускаго народа, однакожъ и при семъ случаѣ, по долгу дружества, долженъ будетъ ему сказать: „Но

„ктожъ принуждалъ васъ браться за дѣло „выше своихъ силъ и возможности? Не „лучше ли бы, по неимѣнію сказанныхъ по-„мощей, оставить вещи такъ какъ онѣ были, „нежели, писавъ изъ головы и безъ всякаго „основанія, въ вящшую приводить ихъ тем-„ноту, запутанность и безобразіе.....„ Какоежъ можетъ Сочинитель письма дать Пріятелю своему объясненіе, ежели ему вздумается его вопросить: „На чемъ осно-„вываяся написали вы, что Сарматы, Гунны „и Скифы суть соплеменны? Гдѣ написано, „что народъ Руской до крещенія былъ ко-„чевной? Какое есть на то доказательство, „что языкъ Славянскій сходенъ былъ съ „Рускимъ? Какая приличность была вамъ „назвать Рурика съ братьями Нѣмцами, а „Кія, Щека и Хорева Персіянами? Съ какой „стати Гунновъ сдѣлали вы построителями „Кіева, и заставили ихъ и Аваровъ гово-„рить языкомъ Татарскимъ и проч. и проч.?„ Я думаю, что на таковые вопросы весьма трудно будетъ ему отвѣчать что ниесть дѣльное.

---

§ III.

На второй вопросъ отвѣтствуетъ Сочинитель письма, что онъ для того Іоакимовой лѣтописи не слѣдовалъ въ своей Исторіи, что не признаетъ ея справедливою; по тому, 1) что списокъ съ нея найденъ у частнаго человѣка, а не въ Государственномъ или монастырскомъ хранилищѣ; 2) что во многомъ противорѣчитъ Нестору; 3) что наружною видимостію своею древности не показуетъ; и 4) что Несторъ, Кипріанъ и Макарій ничего о ней не упоминали.... О дѣльности оныхъ показаній въ разсмотрѣніе входить потребности я не нахожу; однакожъ чтобъ и не оставить оную лѣтопись беззащитною, естьли не изъ любви къ истиннѣ, то хотя изъ благодарности за то, что она на многіе мѣста Нестора доставила намъ толкъ и ясность, не излишнимъ считаю сказать нѣчто и въ ея одобреніе. Безмѣстно утверждать, чтобъ открытый намъ покойнымъ Васильемъ Никитичемъ Татищевымъ отрывокъ съ лѣтописи былъ достовѣрный подлинникъ Іоакимовъ, и безъ всякія отмѣны и поврежденія, но не меньше будетъ дерзновенно не признать

его за списокъ съ онаго, хотя можетъ быть и во многомъ переправленный какъ и всѣ списки вообще съ Нестора, ибо оный отрывокъ тѣжъ самые имѣетъ на себѣ знаки принадлежательности Іоакиму, по каковымъ и лѣтопись Несторова признавается за Несторову.

Что прежде Нестора были у насъ Лѣтописцы, хотя имена ихъ намъ и неизвѣстны, о томъ никакъ сумнѣваться не льзя, ибо изъ премногихъ списковъ съ лѣтописей, находящихся въ Государственныхъ книгохранилищахъ и людей частныхъ, не найдется двухъ во всемъ между собою согласныхъ; я имѣлъ у себя въ рукахъ семь, и всѣ весьма стариннаго письма, въ томъ числѣ два съ юсами и на пергаминѣ писанныхъ, но всѣ между собою разнствовали; одинъ другаго или полнѣе или сокращеннѣе, въ одномъ того бытія или обстоятельства, а въ другомъ другова недоставало, а иные написаны совсемъ иначе: который назвать изъ нихъ правильнымъ и Нестору принадлежащимъ, рѣшить едва ли возможно. Сколько есть повѣствованій въ Прологахъ, въ лѣтописи Никоновской, въ Польскихъ и другихъ иностранныхъ Писателяхъ, коихъ ни въ од-

номъ спискѣ Несторовомъ нѣтъ; какъ же намъ изъ сея трудности выпутаться, ежели кромѣ Нестора ни кому другому не вѣрить? Отрѣша лѣтопись Іоакимову, яко недостойную вѣроятія по тому единому, что она не согласуетъ иногда съ Несторовою, надобно будетъ отрѣшить также Прологи и всѣ Повѣствованія иностранныхъ и своихъ, понеже и они также во многомъ ей противорѣчатъ; но кажется толикая жертва для Нестора будетъ велика.

Не отрицаю я того, чтобъ не было въ Іоакимовой лѣтописи, относительно до временъ прежде Рурика протекшихъ, повѣствованій баснословныхъ, какъ и во всѣхъ вообще Исторіяхъ первобытныхъ вѣковъ, кои справедливо Плутархъ называетъ государствомъ мечтаній и чудовищъ. Но сіе басненное и чудовищное не помѣшаетъ Историку разсудительному и свѣдущему пользоваться тѣмъ, что находится въ ней истинное или вѣроятное, по сношенію съ другими тѣхъ временъ Историками и Лѣтописателями, своими и чужестранными. Единаго воззрѣнія на сію лѣтопись довольно, чтобъ увидѣть въ ней многія черты достойныя

любопытства и уваженія. О пришествіи Славянъ, на примѣръ, въ Новгородскіе предѣлы, повѣствованіе Іоакимово является болѣе вѣроятнымъ нежель Несторово; первый полагаетъ оноевъ половинѣ пятаго столѣтія, а послѣдній прежде Рождества Христова, что не можетъ быть согласно съ извѣстными намъ бытіями и пресѣленіями племенъ Славянскихъ. Призваніе Славянами Новгородскими Рурика съ братьями на княженіе, по причинѣ ихъ родства съ Гостомысломъ, видится болѣе съ обстоятельствами сходнымъ по Іоакиму нежели по Нестору; по перьвому и родъ Руриковъ и поводъ къ избранію его извѣстны, а по послѣднему и то и другое остается въ темнотѣ. Положимъ что объ Оскольдѣ, котораго одного быти посланнымъ отъ Рурика въ Кіевъ Іоакимъ сказуетъ, можно въ повѣствованіи его усумниться, по тому только, что Несторъ оному противорѣчитъ, полагая быти съ Осколдомъ и Дира: но что Боривой былъ отецъ Гостомыслу, также о сыновьяхъ, дочеряхъ и о супругѣ его Ефандѣ, не усматривается никакого сумнѣнія, понеже во всемъ томъ Іоакиму ни кто и ни что не противорѣчитъ. Въ Несторовой лѣтописи на-

писанъ Олегъ родственникомъ Рурику, а въ Іоакимовой шуриномъ; слѣдственно сія не только не прекословитъ первой, но и находящійся въ ней недостатокъ пополняетъ. О женидьбѣ Игоря болѣе видится вѣроятія и ясности въ Іоакимѣ, нежели въ Несторѣ; сей глухо написалъ: „И приведоша ему жену отъ „Пскова, (котораго тогда еще и не было) „именемъ Ольгу;„ а тотъ обстоятельнѣе и яснѣе: „Поятъ ему жену отъ Изборска „рода Гостомыслова, яже Прекраса нарицашеся;„ что и повѣствованіемъ Пролога подтверждается. Бракъ Владимировъ съ Рогнѣдою и рожденіе Ярославово, по Іоакиму яснѣе и съ лѣтами Владимировыми согласнѣе, какъ примѣчаетъ Татищевъ, Т. II. стран. 395. И такъ ежели доводы сіи и недостаточны ко утвержденію правильности лѣтописи Іоакимовой, то по меньшей мѣрѣ не уступаютъ тѣмъ, кои Сочинитель письма приводилъ къ ея опровержeнію.

Онъ полагаетъ, что Творецъ сея лѣтописи заимствовалъ писанное имъ изъ Прологовъ и Польскихъ Писателей, а не сіи изъ него брали; но гдѣжъ въ Прологахъ и Польскихъ Писателяхъ упоминается о Князьяхъ

прежде Рурика княжившихъ? кажется что сїе сказано имъ не подумавши.... Касательно дѣянїй описанныхъ Іоакимомъ, находитъ онъ паче прочїихъ сумнительными, первое объ Оскольдѣ, котораго Іоакимъ одного быти посланнаго въ Кїевъ отъ Рурика полагаетъ, какъ показалъ я выше, доказывая неправильность сказанїя его доводами основательными. Второе бытїе, а именно, что Ольга называлася прежде Прекрасою, не только признаетъ басненнымъ, не взирая на согласное повѣствованїе Пролога о семъ, но еще и съ насмѣянїемъ восклицаетъ: „вотъ изрядное сплетенїе! и проч.; и заключаетъ тѣмъ, что такого обычая, чтобъ „перемѣнять имена, нигдѣ не видано.„ стр. 18. Однакожъ, съ позволенїя его, припомню я ему собственное его сказанїе, тома I. на стран. 257, что Рогнѣда, дочь Рогволдова, вышедши за мужъ за Владимира, переименована была Гориславою; еще, Марїя сестра В. Князя Ярослава, выданная за мужъ за Казимира Короля Польскаго, переименована Доброгнѣвою: сказываетъ о семъ Татищевъ, Т. II. стр. 426. Довольно двухъ сихъ примѣровъ, чтобъ оправдить Іоакима, и ули-

чить Сочинителя письма, что онъ написалъ *нигдѣ не видано*, несправедливо.

§ IV.

Слѣдуютъ теперь прямыя жалобы отъ Сочинителя письма на меня, для чего я осмѣлился охулять Леклерка въ тѣхъ обстоятельствахъ, кои онъ сходственно съ нимъ писалъ.... Въ примѣчаніяхъ моихъ на Леклерка, Томъ I. § XXIV. сказалъ я: „Леклеркъ, слѣдуя Левеку, полагаетъ причиною военныхъ дѣйствій Владимировыхъ „противу Корсуня, не иное что какъ желаніе доставить себѣ оружіемъ священниковъ и крещеніе. По смыслужъ рѣчей повѣствованія Несторова ближе заключить, „что Владимиръ предпріялъ осадить Корсунь въ намѣреніи учинить Императора „Греческаго склоннѣйшимъ на желаніе свое, „касательно полученія сестры его въ замужство за себя„... Не понравилося то Сочинителю письма, что я не согласно съ Левекомъ, съ Леклеркомъ и съ нимъ, а согласно съ Татищевымъ о семъ заключаю. Онъ подалъ мнѣ поводъ къ сему заключенію, сказавъ: „Владимиръ положилъ намѣ-

„реніе идти на Корсунь, и тамо просить „у Царя въ жену себѣ сестру его;„ а слова влагаемые Несторомъ во уста Владимировы, по взятіи Корсуня, и болѣе въ томъ меня удостовѣрили, какъ я обстоятельно изъяснилъ въ показанномъ мѣстѣ примѣчаній моихъ на Леклерка, на которое и ссылаюся. Здѣсь только остается мнѣ на слова Сочинителя письма отвѣчать: „Не состоитъ „должность Историка, говоритъ онъ, повѣ„ствованіе Писателей перемѣнять. Пре„подобный Несторъ о желаніи Владимиро„вомъ, получить себѣ въ супругу сестру „Греческихъ Императоровъ чрезъ войну, не „говоритъ.„ стр. 30. Правда что Несторъ, отправляя Владимира въ походъ къ Корсуни, не сказалъ того, что идетъ онъ туда для испрошенія у Царей Греческихъ сестры ихъ въ жену себѣ; но равнымъ образомъ не сказалъ же и того, что предпріялъ онъ сей походъ для доставленія себѣ оружіемъ священниковъ и крещенія. То и другое есть догадка, но догадка Татищева основывается на смыслѣ рѣчей предъидущихъ и послѣдующихъ повѣствованія Несторова, подтверждается обстоятельствами тогдашнихъ вре-

менъ и здравымъ разсудкомъ, а догадка тѣхъ, коимъ Князь Щербатовъ, Левекъ и Леклеркъ послѣдовали, всему тому противорѣчитъ.

Перемѣны въ повѣствованіяхъ Писателей Татищевъ тѣмъ не сдѣлалъ, что предложилъ свою догадку основанную на обстоятельствахъ вѣроятныхъ, что не только Историку дозволительно, но и должно. Не присвоилъ онъ гордости и любочестію Владимировымъ содѣятельностей невмѣстныхъ; не представилъ его столь легкомысленнымъ и столь мало пекущимся о благосостояніи своихъ подданныхъ и о своей славѣ, чтобъ сталъ тратить онъ великое иждивеніе, предпринимать многіе труды, и подвергать себя и ихъ опасности по пустому, сирѣчь для таковой вещи, которую и безъ труда и безъ убытка могъ получить во всякое время.

Сочинитель письма думаетъ, что Владимиръ и свѣденія вовсе не имѣлъ, что была у Греческихъ Царей сестра въ дѣвицахъ, а какъ только услышалъ о томъ, и не прежде какъ по взятіи уже Корсуня, то и сталъ ее требовать въ жену себѣ. Воображеніе такое мнѣ кажется не менѣе

страннымЪ какЪ и вѣроятїе оному. Мудрено вообразить, чтобЪ ВладимирЪ, вЪ разсужденїи близости и тѣснаго сообщенїя тогдашняго ГрековЪ сЪ Рускими, не зналЪ что у Царей ГреческихЪ есть сестра вЪ дѣвицахЪ; а еще мудренѣе повѣрить, чтобЪ ВладимирЪ, будучи гордЪ и любочестенЪ, а не менѣе и вЪ плотоугодїи любострастенЪ, похотѣлЪ жениться на уродѣ, ибо благообразїе тѣла и души не зависятЪ отЪ знаменитости породы. ТѣмЪ паче нужно было Владимиру о изяществѣ красоты Царевны быть предварительно удостовѣрену, что по крещенїи, кЪ которому онЪ готовился, одну уже жену имѣть будетЪ долженЪ, а не многихЪ, коими прежде язычество его удовлетворяло.

„ВладимирЪ былЪ гордЪ и любочестенЪ„ говоритЪ Сочинитель письма, а по тому-то онЪ и не хотѣлЪ предлагать ГреческимЪ ЦарямЪ такого требованїя о согласїи, на которое не былЪ предЪувѣренЪ, чтобЪ отказомЪ ихЪ не оскорбить своего любочестїя. Касательно священниковЪ, не могЪ никакЪ онЪ сумнѣваться, чтобЪ вЪ присылкѣ ихЪ было ему отЪ Царей отказано; единаго позволенїя довольно было, чтобЪ имѣть ихЪ

больше нежели потребно, судя по усердію Восточной Церкви къ распространенію Христіанскаго повсюду благочестія; но чтобъ Греческіе Цари, безъ принужденія, выдали за него сестру свою, въ томъ онъ могъ сумнѣваться, и причины къ сумнѣнію имѣлъ многія. . . Здравый разсудокъ, котораго отъ Владимира отнять не можно, внушаетъ, что никогда не тратятся на то силы и иждивенія, что можно получить даромъ. Едва бы Греки только увѣдали, что Россійскій великій Князь желаніе имѣетъ себя и всѣхъ подданныхъ своихъ учинить Христіанами, то бы безъ прозьбы и требованія поспѣшили прислать къ нему учителей и наставниковъ, и по ревности ко благочестію, и по зависти и ревнію къ Западной Церкви, которая тогда была уже въ отдѣленіи отъ Восточныя, дабы оная не успѣла между тѣмъ воспользоваться приобрѣтеніемъ толь важнымъ.

Все сказанное мною здѣсь снеся съ тѣмъ, что я написалъ о сей предлежности въ примѣчаніяхъ моихъ на Леклерка, увидитъ Читатель, что я не на пустотѣ основываясь призналъ Татищево мнѣніе дѣльнымъ.

§ V.

Касательно раненія Владимира отъ Печенѣгъ при Василевѣ, какъ Леклеркъ пишетъ, отвергалъ я сіе бытіе утверждаясь на тѣхъ лѣтописяхъ, кои мнѣ были извѣстны, а именно: на Несторовой и Никоновской, на Степенныхъ книгахъ и на нѣкоторыхъ рукописныхъ имѣющихся у меня, въ коихъ сего обстоятельства нѣтъ; да и сказалъ я о томъ мимоходомъ, и по сопряженіи сего обстоятельства съ другими, на которые возразить главная моя была цѣль, а именно: о мѣстѣ, гдѣ было сраженіе и о построеніи церкви Владимиромъ за спасеніе свое отъ Печенѣгъ. Сочинитель письма признавая мое возраженіе въ послѣднихъ двухъ обстоятельствахъ дѣльнымъ, въ перьвомъ только противорѣчитъ, утверждая, что въ нѣкоторыхъ спискахъ съ лѣтописей точно упоминается, что Владимиръ былъ раненъ; а можетъ быть Левекъ, которому послѣдовалъ Леклеркъ, также скажетъ, что у него есть списокъ съ лѣтописи, въ которой точно написано, что Владимиръ построилъ церковь во имя Св. Григорія, и что сраженіе было на другомъ мѣстѣ, а не при Василевѣ, въ про-

тивность Нестора и всѣхъ извѣстныхъ Лѣтописцевъ. Но кажется мнѣ должно было Князю Щербатову и Левеку, внося въ Исторїю такое бытїе, котораго ни въ одной изъ извѣстныхъ лѣтописей не обрѣтается, сказать откуда оное почерпнуто, и для чего одной неизвѣстной лѣтописи показанїе предпочтено многимъ извѣстнѣйшимъ и достовѣрнѣйшимъ.

Сочинитель письма одинакїе обстоятельства обращаетъ къ противнымъ доводамъ, смотря по своей пользѣ; прежде говорилъ, отвергая правильность Іоакимовой лѣтописи, что не должно утверждаться на лѣтописяхъ имѣющихся въ рукахъ людей частныхъ, тѣмъ паче незнатныхъ, каковъ былъ Монахъ Венїаминъ, отъ котораго Татищевъ списокъ съ оныя лѣтописи получилъ, а токмо тѣ почитать достовѣрными, которыя находятся въ Государственныхъ и Монастырскихъ хранилищахъ; а теперь напротивъ говоритъ, что списокъ Кенигсбергской съ Нестора „нѣсть такой древности, что „бы всѣ прочїе должны были ему уступить, яко первенствующему, но есть у „насъ множество другихъ . . . и у нѣкото„рыхъ приватныхъ людей, которые гораздо

„старѣе являются „ стр. 39; и въ доказательство о раненіи Владимира приводитъ списокъ съ лѣтописи полученной имъ отъ Г. Полетики, въ которомъ точно написано: „и „подбѣгъ уязвленъ бѣ спа подъ мостъ.„

§ VI.

Въ Несторѣ, стр. 93. написано: „Хотящу Владимиру идти на Ярослава.... „Но Богъ не дастъ діаволу радости, Владимиру разболѣвшусь. Все же время бяше у „него Борисъ, и Печенѣгомъ идущимъ на „Русь, посла противу имъ Бориса, самъ боляше вельми, въ ней же болести и скончася мѣсяца Іюля въ пятыйнадесять день; „умрежъ на Берестовомъ.„ И хотя въ сихъ словахъ нѣтъ другаго значенія и смысла кромѣ того, что Владимиръ предпріявъ идти на Ярослава, воспрепятствованъ былъ во исполненіи намѣренія своего приключившеюся ему болѣзнію, отъ которыя онъ и умеръ, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ занемогъ, и не сдѣлавъ ни одного шага въ передъ; но К. Щербатовъ, вообразивъ, что Берестовъ находится въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Кіева, въ Исторіи своей, Т. I. стр. 287.

написалъ: „Владиміръ уже съ войскомъ ополчается, и сынъ его Борисъ уже полки къ „нему привелъ, уже доходитъ до Берестова„ и проч. Левекъ заимствуя изъ его Исторіи, а Леклеркъ последуя Левеку, оба также въ своихъ Исторіяхъ написали, что Владиміръ выступя уже въ походъ, на дорогѣ умеръ. Я, дѣлая примѣчаніи на послѣдняго, написалъ въ согласіе Нестору и Татищеву, что „Владиміръ не выходя еще съ войскомъ „противъ ослушнаго сына, занемогъ и умре;„ Т. I. стр. 96. Князь Щербатовъ, желая защитить Левека, Леклерка и вкупѣ самаго себя, въ противномъ повѣствованіи всѣмъ нашимъ лѣтописямъ, утверждаетъ прежнее свое сказаніе, говоря: „Извѣстно всѣмъ, что „В. К. Владиміръ имѣлъ обыкновенное жи„тельство свое въ Кіевѣ; война началась, „онъ уже находится въ Берестовѣ, гдѣ и „скончался; слѣдственно онъ уже выступилъ „изъ Кіева;„ стр. 45. Потомъ, желая назначить, въ которую именно сторону пошелъ Владиміръ, и далеко-ль успѣлъ отойти отъ Кіева, прежде нежели занемогъ и умеръ, въ недоумѣніи говоритъ: „Я не знаю точно „мѣстоположенія Береспова; но естьли онъ

„былъ и на Берестовѣ рѣкѣ, гдѣ нынѣ Кон-
„стантиноградъ построенъ„ и проч; яко бы дозволительно было Историку не знать мѣстоположенія городовъ, рѣкъ и знатныхъ урочищъ того государства, котораго онъ Исторію пишетъ; тѣмъ паче такихъ селеній и урочищъ, коихъ мѣстоположенія ясно и вразумительно лѣтописи наши приурочиваютъ: для сего не требуется ни знанія, ни науки, а токмо прилѣжность и вниманіе.

Не впалъ бы онъ въ такую погрѣшность, при написаніи сего мѣста въ Исторіи своей, естьли бы съ прилѣжностію лѣтописи наши разсматривалъ; не сталъ бы и теперь защищать небылицы, естьли бы принялъ трудъ заглянуть въ Нестора; онъ бы его совершенно увѣрилъ, что Берестово было урочище въ предмѣстіи Кіева находящееся, на которомъ нынѣ Кіевопечерская крѣпость стоитъ, и что на самомъ семъ мѣстѣ былъ Великихъ Князей дворецъ, въ которомъ они большую часть года пребываніе свое имѣли. Несторъ на многихъ мѣстахъ о семъ урочищѣ упоминаетъ, и весьма ясно близость его къ городу означаетъ, а особливо на стр. 108. При имѣющейся тутъ церкви

многіе Великіе Князья погребены, яко Георгій Владимировичь въ 1156, Глѣбъ Юрьевичь въ 1171 годахъ, и другіе; а что Владимиръ подлинно во дворцѣ ономъ умеръ, то послѣдующія рѣчи повѣствованія Несторова о смерти его свидѣтельствуютъ. стр. 93. Прочетши одно сіе мѣсто, не принужденъ бы былъ Сочинитель письма признаваться въ невѣденіи толь необходимыхъ вещей для Историка, и не сказалъ бы: „Я не знаю „мѣстоположенія Берестова;„ не предложилъ бы толь страннаго довода во оправданіе своей ошибки: „Владимиръ находится въ Берестовѣ, слѣдственно онъ уже выступилъ „изъ Кіева.„ . . . Не странно ли бы всякому показалося, естьлибъ кто, писавъ Рускую Исторію настоящаго вѣка, сказалъ, что блаженныя памяти Императрица Елисавета, объявивъ войну Прускому Королю, изволила переѣхать изъ Зимняго дворца въ Лѣтній, и по тому бы заключилъ, что Она своею особою въ походъ отправилася: показанное предложеніе Сочинителя письма не меньше сего странно, ибо дворецъ Владимировъ на Берестовѣ отъ другаго находившагося въ городѣ былъ не далѣе.

Рѣкаж Берестовая, на которой нынѣ Константиноград построен, отстоит весьма далеко от Кїева, и совсем в противную сторону той, куда надлежало Владимиру идти противу ослушнаго своего сына; она впадает в Орель, а сїя в Днепр, и не только в тогдашнее время, но и многїе вѣки послѣ того состояла внѣ границ Россїйских. Такїя-то прибавки дѣлать в Исторїи непозволительно, которыя прямо противорѣчат бытїям описанным в лѣтописях, а не заключенїя дѣлать в сходство обстоятельств современных описуемому дѣянїю. Слова ясные Нестора не подавали причины дополнять из головы, тѣм паче им противорѣчить.

§ VII.

Нестаточность написанная Леклерком, якобы побранные из Торческа Половцами плѣнники всѣ почти лѣтом, от жестокой стужи померли, в примѣчанїях моих на него, Т. I. § XCII, доказана мною толь ясно, что казалося ни кому не придет в голову сказать что-либо вопреки тому; однакож Сочинитель письма, мня быти возможным

оправдити его и вкупѣ себя, ибо и онъ въ Исторіи своей, Т. I. стран. 42, то же написалъ, тако говоритъ: „Не помню я, „что я тогда думалъ какъ писалъ сіе мѣ„сто Исторіи? . . . но уповаю, что наслы„шась отъ всѣхъ бывалыхъ тамъ, что хотя „въ сихъ мѣстахъ климатъ и гораздо жар„кой во время дня, но напротивъ того ночи „бываютъ толь холодныя, что безъ шубы „обойтись не можно, отъ чего весьма много „людей получаютъ болѣзни и претерпѣваютъ „смерть. Подобные обстоятельства клима„та Италіи учинили Италію именовать „le tombeau de François, могила Французовъ.

Доводы мои ко изпроверженію сихъ оправданій, вотъ какіе: 1) Выше есть всякаго вѣроятія, чтобъ въ странѣ подъ толь умѣреннымъ климатомъ лежащей, въ Августѣ мѣсяцѣ помирали люди отъ стужи. 2) Тамъ, гдѣ былъ Торческъ, ночей холодныхъ не бываетъ, о чемъ я утвердительно сказать могу, живъ въ той сторонѣ около десяти лѣтъ: бываютъ таковыя ночи въ странѣ къ устью Днепра лежащей, гдѣ нынѣ Херсонъ, однакожъ и тамъ не до толикія степени холодность ихъ простирается, чтобъ

могла приключить человѣку смерть. Не употребившїй осторожности, при непосредственномъ наступленїи послѣ дневнаго зноя сильнаго холода, можетъ легко простудиться и получить болѣзнь; однакожъ тамошнїе жители меньше сей опасности подвержены нежель прїѣзжїе, а жители Торческїе были изъ числа первыхъ. 3) Вредность Италїанскаго климата для Французовъ, не идетъ въ сравненїе къ настоящей предлежности, понеже не о суровости, ни о перемѣнѣ климата идетъ здѣсь рѣчь, а о томъ, что лѣтомъ люди отъ стужи не умираютъ.

§ VIII.

Увозъ Великаго Князя Ярополка Влостовичемъ, признавалъ я затѣяннымъ отъ Поляковъ, въ разсужденїи тѣхъ обстоятельствъ, кои я объяснилъ въ примѣчанїяхъ моихъ на Леклерка, Т. I § XCVII. Сочинитель письма на сїе въ оправданїе свое пишетъ, стр. 52, что вмѣстилъ онъ сїе бытїе изъ Исторїи писанной Салиньякомъ, а лѣтописей Руских краткость заставила его подумать, не хотѣли-ль они умолчать о такомъ приключенїи, которое наноситъ безчестїе Россїй-

скому Князю. Положимъ что сумнѣніе о вѣрности Россійскихъ Лѣтописцевъ есть позволительное, но по крайней мѣрѣ „должность Историка требовала, какъ и самъ „онъ говоритъ, что бы не единымъ повѣ„ствованіямъ писателей вѣрить, но прилѣ„жно разсматривать обстоятельства и воз„можность дѣяній, и чинить разборъ между „разныхъ повѣствованій.„ Но самъ онъ, ни того ни другаго не учиня, написалъ то, чего въ нашихъ лѣтописяхъ нѣтъ, и что ни малаго вѣроятія недостойно. Однакожъ со всемъ тѣмъ признаетъ бытіе сіе возможнымъ; „не нахожу, говоритъ, я ничего „невѣроятнаго въ увозѣ Ярополка.„ Какіежъ на вѣроятность сію доводы представляетъ? Что „Влостовичь былъ Польской Вельможа, „а по тому весьма знатный и богатый; вы„ѣхалъ онъ служить въ Россію съ не малымъ „числомъ служителей; приобрѣлъ милость „и довѣренность отъ Ярополка. . . Древніе „наши Государи большей пышности не имѣ„ли: не обрѣтаемъ мы у нихъ ни стражи, „ни придворныхъ, ни что бы великое число „людей и тѣлохранителей ихъ окружали, а „по тому и возможно, что бы онъ съ малымъ

„числомъ людей поѣхалъ, имѣя при себѣ Вло-
„стовича съ превышающимъ числомъ людей...
„а по тому и легко ему было, учиня нечаян-
„ное нападенiе на Ярополка, бывшихъ при
„немъ иныхъ избить, другихъ перевязать,
„и самаго Ярополка схватя и привязавъ на
„лошадь увезти.„ Встрѣчаяжъ болѣе за-
трудненiя въ провозѣ сего Великаго Князя
до границъ Польскихъ, чрезъ разстоянiе по
прямой чертѣ болѣе трехъ сотъ верстъ,
все усильствiе употребляетъ, и ничего не
щадитъ, чтобъ способы къ тому придумать.
„Обычай, говоритъ, Россiйскихъ Государей
былъ всегда давать въ кормъ земли вы-
ѣзжающимъ къ нимъ чужестраннымъ; то
не могъ ли онъ, имѣя уже злое намѣренiе,
на пути къ Польшѣ испросить себѣ такiя
въ трехъ или четырехъ мѣстахъ земли,
гдѣ безъ постановленiя лошадей готовыхъ
онъ имѣлъ? Въ ѣздѣ своей могъ объѣзжать
селенiя, которые тогда не часты были, и
стѣсня плѣннаго Князя въ кучу людей, учи-
нить и невидима почти его встрѣчающимся...
Касательно до погони, безъ сумнѣнiя должно
думать, что она была, но что бы ее по-
слать, надлежало, что бы о семъ увѣдано

было. Не скоро, должно думать, перевязанные могли освободиться; неуповательно, что бы Влостовичь, учиня толь дерзкое предпріятіе, не взялъ осторожности лошадей ихъ или перебить, или увезти, а по тому дошедъ пѣшкомъ до Кіева, должны были обвѣстить о семъ приключеніи; надлежало объявить и собрать людей, да тогда ѣхать въ погоню; а все сіе по крайней мѣрѣ шесть часовъ времени занимало; то каждый можетъ разсудить, есть ли возможность нагнать на трехъ стахъ верстахъ злодѣя бѣгущаго, давъ ему времени шесть часовъ? а къ томужъ и самые поѣхавшіе въ погоню должны были лошадей перемѣнять; а что болѣе ихъ было, то затруднительнѣе имъ было сыскивать довольное число лошадей, что еще замѣшканье производило.,,

Всѣ сіи доказательства, на возможность онаго произшествія, суть такого рода, что натяжка ихъ изъ далека и не по приличію съ перваго воззрѣнія открывается. Въ показаніе невмѣстности ихъ вотъ что я нахожу сказать, въ прибавокъ къ тому, что говорилъ я о семъ въ примѣчаніяхъ моихъ Т. I. § XCVIII. 1) Влостовичь хотя и былъ

въ Польшѣ богатъ и знатенъ, но пріѣхалъ къ Ярополку яко изгнанный и ограбленный отъ Болеслава, а по тому и не могъ имѣть при себѣ великаго числа людей. 2) Древнїе наши Государи, хотя большей пышности не имѣли, но стражу и придворныхъ при себѣ содержали и никуда безъ нихъ не выѣзжали, что можно многими мѣстами изъ лѣтописей доказать. Отъѣзжая Ярополкъ на село свое, въ которомъ имѣлъ онъ загородной или увеселительной свой домъ, взялъ съ собою Влостовича конечно не одного, но въ числѣ прочїихъ своихъ Вельможъ, которые были къ нему близки; и какъ прочїе Вельможи не болѣе имѣли при себѣ служителей, сколько по обычаю тогдашнему, благопристойность взять съ собою требовала, то и Влостовичу превышающее число служителей взять съ собою тотъ же самый обычай и благопристойность запрещали, тѣмъ паче, что и Великїй Князь поѣхалъ съ небольшимъ числомъ людей; а по тому самому никакъ не въ силахъ былъ Влостовичь всѣхъ людей пріѣхавшихъ съ Великимъ Княземъ, и тѣхъ, кои на селѣ и въ домѣ его были, перебить

и перевязать. 3) Гдѣ то было село и какъ оно называлося, куда Великій Князь отъѣхалъ, о томъ ни Польскіе Историки, Леклеркъ, ни Сочинитель письма не пишутъ; извѣстножъ по нашимъ лѣтописямъ, что загородные домы Великихъ Князей состояли на Берестовомъ, на Лыбеди, въ Боричивѣ и въ Дорогожицѣ, въ урочищахъ сущихъ подлѣ Кіева, на коихъ безъ сумнѣнія были жители и въ домѣхъ Княжескихъ стража хотя небольшая; и такъ при учиненномъ на нихъ отъ Влостовича нападеніи, вѣроятно, что хотя одинъ отъ убійства могъ спастися, и по толь ближнему разстоянію скоро прибѣжать въ Кіевъ и извѣстить о учиненномъ злодѣйствѣ. 4) Для погони не требовалося много людей, по тому что и одинъ бы могъ бѣгущихъ остановить при перемѣнѣ ими лошадей, ибо хотя тѣ деревни и отданы были Влостовичу въ кормъ или помѣстье, но не изключалися тѣмъ пожалованіемъ жители оныхъ изъ подданства Государю; послушали бы они прибѣжавшаго гонца, и вѣрно бы всѣ совокупно бросились на Влостовича и его сообщниковъ, и своего Государя изъ рукъ ихъ исхитили. Надобно

было для сего, чтобъ Влостовичъ, испрося у Князя себѣ въ трехъ или четырехъ мѣстахъ земли, поселилъ на нихъ вызвавъ изъ Польши своихъ людей, дабы могъ удостовѣриться, что они поспѣшниками будутъ въ его умыслѣ, а отъ Рускихъ того никакъ надѣяться не могъ.

Сколько употребилъ Сочинитель письма труда въ приискиванiи оправданiя на небылицу! сыскалъ Влостовича великое число согласниковъ въ умыслѣ его злодѣйскомъ; привелъ къ нему изъ Польши тьмы людей; населилъ ему въ трехъ или четырехъ мѣстахъ деревни; представилъ всю страну сiю, по которой надлежало ему бѣжать, почти пустою; на всѣхъ рѣчкахъ, буеракахъ, болотахъ, кои по сторонамъ дороги находилися, построилъ мосты и гати, чтобъ бѣгущiе со Влостовичемъ никакихъ затрудненiй не встрѣчали; всѣ бывшiе города по дорогѣ, пограничную стражу и разъѣзды уничтожилъ; заставилъ, во все время какъ везенъ былъ Ярополкъ, ни кому по дорогѣ съ везущими его не встрѣчаться, и стѣсня Великаго Князя въ кучу людей, учинилъ его невидимкою; словомъ, всѣми пособiями

Влостовича снабдилъ, а для преслѣдующихъ его всѣ затрудненія придумалъ, всѣ препятствія изъискалъ. Однакожъ со всемъ тѣмъ произшествіе таковое не менѣе остается сумнительнымъ какъ было и прежде.

Мнѣніе мое, что баснь сію составилъ Кромеръ по образцу случившагося съ Володаремъ Княземъ Перемышльскимъ и Червенскимъ, опровергаетъ Сочинитель письма, говоря: что „таковой ошибки въ Польскихъ „Историкахъ быти не возможно, ибо плѣ„неніе Володаря было въ 1122 году, а плѣ„неніе Ярополково въ 1134 году, то есть „чрезъ двенадцать лѣтъ послѣ, а по тому „и не можно, что бы два приключенія „Польскими Писателями смѣшаны въ единое „были.„ стран. 61 и 62. Я не говорилъ того, что Польскіе Писатели два приключенія смѣшали въ одно, но что по образцу истиннаго бытія, случившагося съ Володаремъ, сложилъ Кромеръ баснь о Ярополкѣ, Т. I. стр. 258; а что плѣненіе Володаря прежде Ярополкова Польскіе Писатели полагаютъ, сіе не служитъ въ доказательство, какъ мнитъ Сочинитель письма, о истиннѣ послѣдняго и о неосновательности

моего мнѣнія, ибо, по естественному чину вещей, надлежитъ чтобъ прежде бывшее служило образцомъ послѣдующему, яко подлинникъ списку. Естьлибъ не имѣлъ Кромеръ предъ глазами подлинника, то бы не съ чего сдѣлать ему было и списка. Подлинникъ есть плѣненіе Володаря, яко произшествіе бывшее, а списокъ есть увозъ Ярополка, и списокъ безобразный и уродливый. Сколько было выдано въ свѣтъ подобныхъ сей небылицъ за истинные бытія! довольно привести на память одну, а именно Исторію о странствованіи и приключеніяхъ Супруги Царевича Алексѣя Петровича, (о чемъ трое согласно писали) чтобъ удостовѣриться о возможности выдумать Кромеру басню о Ярополкѣ, по безмѣстной ревности къ славѣ своего отечества. Другіе Польскіе Писатели послѣдовали ему, не хотя войти въ разсмотрѣніе обстоятельствъ, тѣмъ паче, что расказы таковые самолюбію ихъ угождали. Слѣдственно и согласное сказаніе многихъ не дѣлаетъ невѣроятнаго вѣроятнымъ, и сумнительнаго достовѣрнымъ, а токмо изъявляетъ или ихъ пристрастіе или неосмотрительность и невниманіе.

§ IX.

Охулялъ я Левека и Леклерка, что они предпочтительнѣе послѣдовали Писателямъ Польскимъ, описуя дѣянія Князей Россійскихъ, не безъ основанія; 1) по тому что наши лѣтописи, обнаженныя красоты слога, преимущественно изобилуютъ въ простой правдѣ; 2) что и Польскіе перьвобытные Писатели всѣ бытія историческіе почерпали изъ нашихъ лѣтописей, въ чемъ они и сами признаются необиновенно; слѣдовательно все то, что есть въ нихъ излишнее предъ нашими, касательно дѣяній древнихъ Князей нашихъ имѣющихъ связь съ дѣяніями Польскими, есть ихъ выдумка, по дѣйствію пристрастія. Правда, что теперь едва ли можно доказать ихъ въ томъ, въ разсужденіи тѣхъ бытій, которыхъ въ имѣющихся нынѣ у насъ лѣтописяхъ недостаетъ, изъ нашихъ ли лѣтописей они то заимствовали или отъ себя прибавляли, по причинѣ потери тѣхъ, изъ коихъ они брали; но здравый разсудокъ и внимательное соображеніе повѣствуемаго ими съ тогдашнихъ временъ обстоятельствами, и сказаніемъ уцѣлѣвшихъ до нынѣ Лѣтописей, можетъ быть руководствомъ Историку раз-

судительному и осторожному. Но въ тѣхъ дѣянїяхъ, кои въ оставшихся лѣтописяхъ нашихъ существуютъ, а въ Польскихъ Историкахъ описаны они иначе, предпочтительно надлежитъ слѣдовать нашимъ, яко и давностїю времени и простою правдою преимуществующимъ.

Касательно похода Князей Рускихъ на помощь Князьямъ Польскимъ, К. Щербатовъ послѣдовалъ повѣствованїямъ Писателей Польскихъ, для того, говоритъ, что въ нихъ обстоятельнѣе оный описанъ; а мнѣ кажется нужнѣе въ таковыхъ случаяхъ избирать точность и вѣроподобїе нежели пространство. Краткость нашихъ лѣтописей не такъ темна, чтобъ обстоятельствъ происшествїй и дѣянїй видѣть не дозволяла. Приведенные имъ мѣста изъ Силвестровой и Никоновской лѣтописей оправдаютъ сїе: изъ краткаго ихъ сказанїя довольно ясно усматривается, что Рускїе Князья будучи въ Польшѣ сдѣлали, а именно, что малое себѣ сопротивленїе отъ войскъ Польскихъ встрѣчая, безъ всякой опасности ходя повсюду, разоряли селенїя, и обременясь добычею и плѣнниками, возвратились. Хотя

такой поступокъ и не служитъ къ чести предводительствующихъ войсками, чтобъ „мирныхъ грабить и пленить,„ но яко нашими Писателями свидетельствуемый, умолчанъ быть не долженъ. Не мешало къ симъ краткимъ повествованіямъ прибавить обстоятельствъ и изъ Польскихъ Писателей, коимъ сіи более должны быть известны, какъ я въ примечаніяхъ моихъ и учинилъ, Т. I. § XCVIII.; но съ разсмотреніемъ, дабы они не противоречили нашимъ летописямъ, такъ какъ сделали Левекъ и Леклеркъ, написавъ: что „Князья Рускіе „едва могли спасти жизнь свою съ малымъ „числомъ воевъ;„ ибо, естьли бы сіе было правда, не возвратилися бы они тогда обремененные добычею и пленниками.

§ X.

Где убитъ былъ Игорь, о томъ не имелъ я ни намеренія ни нужды говорить, „но „кто о слезахъ и вопле народномъ сказы„валъ Леклерку„ о томъ спросить имелъ причину, понеже въ нашихъ летописяхъ того не повествуется, чтобъ „те самые „люди, которые въ ярости убили Игоря,

„испускали жалобные вопли при погребенїи „его„ какъ точно Левекъ и Леклеркъ написали. Сочинитель письма отвѣтствуя за нихъ говоритъ, что сказалъ имъ о томъ тотъ же, которой и ему, а именно Никоновская лѣтопись, въ которой написано: „и „устрашишася людїе и восплакашеся, и проч.; „и что послѣдуя сей лѣтописи изъяснилъ „онъ причины страха и раскаянїя народ„наго.„ стр. 65.

Кто справится съ Никоновскою лѣтописью, тотъ увидитъ что страха народнаго была другая причина, а о раскаянїи и вовсе не упоминается: оправдая себя, не должно клепать на другихъ. Тамъ написано, что когда стали надъ тѣломъ Игоревымъ совершать обычное послѣдованїе надъ погребаемыми, тогда сдѣлалося страшное знаменїе, а именно, при великомъ громѣ и молнїи, показался столпъ свѣтозаренъ надъ церковїю отъ земли до небеси, и земля потряслася; что видя сїе бывшїе при погребенїи, всѣ выбѣжали изъ церкви; „и устра„шишася людїе, и восплакаша глаголюще, „Господи помилуй! и оскорбишася людїе на „долгъ часъ, глаголюще: „что се будетъ?„

и что послѣ какъ вошли они въ церковь, то увидѣли, что всѣ свѣчи сами собою загорѣлися, отъ чего и болѣе пришли въ ужасъ. Вотъ причины страха, удивленія и плача присутствовавшихъ при погребеніи, которые Сочинитель письма обращаетъ къ раскаянію убійцъ. Положимъ, что изъ числа оныхъ были нѣкоторые при погребеніи, и что таковое страшное знаменіе и очевидное чудодѣйствіе, коснувшися ихъ чувствамъ, привело ихъ въ раскаяніе о содѣянномъ ими въ буйственной запальчивости злодѣйствѣ; представимъ себѣ ихъ пораженныхъ ужасомъ, трепещущихъ и рыдающихъ: но сіе ихъ раскаяніе, плачь и рыданіе не будетъ знакомъ сожалѣнія ихъ о убіенномъ, но дѣйствіемъ настоящаго чуда и воображеніемъ гнѣва Божія и казни отъ владѣющаго Князя. Кто признаетъ сказанное чудо вѣроятія достойнымъ, тотъ и плачь убійцъ изъ сожалѣнія о убіенномъ почтетъ таковымъ же.

§ XI.

Жалуется Сочинитель письма на меня, что яко бы я излишнюю строгость упо-

требилъ, (обличая его въ погрѣшности его, что онъ рѣку Стыръ назвалъ Греблею,) сказавъ, что непростительно Рускому человѣку не знать Рускаго слова; и хотя и признается въ незнанiи слова гребля, однакожъ погрѣшность свою простительною быти мнитъ, по слѣдующимъ причинамъ. Перьвое, что онъ въ Украйнѣ не бывалъ, а по тому и Украинскаго нарѣчiя не знаетъ. Второе, что обстоятельства приключенiя спросить о семъ словѣ у знающихъ людей его отвели, „ибо побоище сiе было, гово-„ритъ, Февраля 8 числа, то я почитая, „что тогда еще рѣка бывъ льдомъ покры-„та, пѣшцы побѣжали по гробли, знамено-„вало по рѣкѣ сего имяни; ибо во время „замерзанiя рѣкъ нѣтъ нужды по плотинѣ „бѣжать, а сiе самое и отвело меня спро-„сить обьясненiя слова гребли.„ Третiе, что хотя бы онъ и зналъ, что значитъ слово гребля, но за неимѣнiемъ имени рѣки протекающей подъ Луцкимъ, счелъ бы его за имя оныя рѣки, по тому что многiя рѣки имѣютъ такiе „имянованiя, которые „могутъ отнестись и къ другимъ вещамъ, „яко въ Тарускомъ уѣздѣ есть рѣка Роща,

„а другая Лужа.„ Послѣ такого чистосердечнаго признанія не къ чести Историка служащаго, дѣлаетъ примѣчаніе на мнимую мою ошибку, что яко бы слово гребля не то значеніе имѣло въ Лѣтописцахъ, какое нынѣ оно имѣетъ на Малороссійскомъ нарѣчіи, а то, что нынѣ подъ словомъ гать разумѣемъ; ибо, по мнѣнію его, во время Несторово не было въ Россіи ни плотинъ, ни мѣльницъ, слѣдовательно и я въ истолкованіи сего слова ошибся, приписавъ къ нему иной смыслъ.

На сіи оправданія, признаніе, и въ ошибкѣ моей изобличеніе отвѣчаю: на 1) слово Гребля или Гробля не есть Украинское, но древнее Славяноруское; Несторъ и другіе Лѣтописцы во многихъ мѣстахъ его употребляли вмѣсто плотины, равнымъ образомъ и Сочинитель Россійской Исторіи не въ одномъ мѣстѣ употребилъ его за имя рѣки, яко и тома перваго на стран. 231. Въ нынѣшнемъ языкѣ Рускомъ оно неупотребительно, но осталося и поднесь въ Польскомъ и Малороссійскомъ нарѣчіяхъ; въ Польшѣ говорятъ grobla, а въ Малороссіи гребля. Словожъ гать и при Несторѣ было уже из-

вѣстно, ибо въ лѣтописи его, на стр. 197 написано: „а межъ ими рѣка Бѣлка, и по„велѣ Всеволодъ чинити гати комуждо сво„ему полку;„ и въ томъ же смыслѣ и по нынѣ осталося: по Польски называется Gac, а по Малороссійски гать. На 2) Въ странѣ подъ толь теплымъ климатомъ лежащей, какова есть сія, въ которой рѣка Стыръ находится, едва ли можно въ Февралѣ мѣсяцѣ быть такому толстому льду, чтобъ чрезъ него войску безъ опасности можно было переходить; но положимъ быть сіе возможнымъ, однакожъ не извлекается изъ того права, чтобъ всякую рѣку, чрезъ которую можно во время замерзанія ея по льду переходить, позволительно называть было плотиною. На 3) Ктобъ повѣрилъ, что можно писать Исторію не знавъ Географіи, естьлибъ собственное Историка нашего признаніе въ томъ не удостовѣряло. Я былъ столько скроменъ, что будучи давно о томъ извѣстенъ, хотѣлъ лучше, оговаривая ошибку его въ словѣ гребля, отнести то къ незнанію языка, нежель къ незнанію имени рѣки толь не малыя, какова есть Стыръ, и текущія подъ толь знаменитымъ

по Исторіи нашей городомъ, каковъ есть Луцкъ, въ предѣлахъ коего многіе важные произшествія случалися. Непростительно, сказалъ я тогда, Рускому человѣку не знать Рускаго языка относительно къ пишущему Рускую Исторію, и въ такомъ разумѣ что часто случается, что одно слово, въ другомъ смыслѣ принятое, можетъ цѣлой рѣчи присвоить иной смыслъ, цѣлое дѣяніе преобразить въ иной видъ; чтожъ сказать теперь, когда самъ онъ признается, что пишучи Рускую Исторію, не зналъ Рускихъ городовъ, въ которой они сторонѣ и на какой рѣкѣ стоятъ? Достаточнымъ себѣ извиненіемъ признаетъ сказать: „Не зналъ я „имени рѣки протекающія подъ Луцкимъ„ такъ какъ бы Луцкъ былъ за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ, какъ въ сказкахъ сказываютъ.

Касательно мнѣнія, яко бы въ двенадцатомъ столѣтіи ни плотинъ, ни мѣльницъ въ Россіи не было, не имѣю я потребности входить въ разсмотрѣніе, яко до меня непринадлежащее, хотя и кажется оно мнѣ нестаточнымъ.

---

§ XII.

Что Мстиславъ и Ярополкъ Ростиславичи, а не Михаилъ Георгїевичь послѣ Князя Андрея Боголюбскаго призваны на престолъ Владимирскїй, о томъ не Татищевъ токмо, но всѣ древнїя лѣтописи согласно пишутъ, и коимъ одинъ токмо Сочинитель письма противорѣчитъ. Въ лѣтописяхъ нашихъ сїе бытїе ясно описано, а именно, что по убїенїи Князя Андрея Боголюбскаго, всего Княжества Владимирскаго народъ, собравшись во Владимиръ, общимъ согласїемъ и приговоромъ положили призвать на княженїе къ себѣ Князей Мстислава и Ярополка Ростиславичей, и въ слѣдствїе того всенароднаго постановленїя и послали къ нимъ нарочныхъ съ прошенїемъ о томъ; по приглашенїю коихъ оные Князья и отправились съ нимижъ во Владимиръ. Хотяжъ, между тѣмъ, Князья Мстиславъ и Ярополкъ и пригласили Князя Михаила въ сокняженїе къ себѣ, и дали ему старѣйшинство надъ собою, на что, какъ видно изъ обстоятельствъ послѣдующихъ, и Владимирцы были согласны; но какъ не было на то согласїя прочїихъ городовъ, то и договоръ сей между Князьями

и согласіе Владимирцовъ на оной не могли назваться ни дѣйствительными, ни законными. Постановленіе общенародное не льзя иначе перемѣнить какъ по согласію всегожъ народа. Сіе приглашеніе Ярополкомъ и Мстиславомъ въ сокняженіе Михаила и согласіе на то Владимирцовъ, въ противность общенароднаго приговора, произвело повсюду всеобщее негодованіе. „Слышавъ же, Ростовцы, „Суздальцы и Переяславцы, что идетъ Ми„хаилъ Юрьевичь, начаша негодовати.„ А какъ, не взирая на сіе всеобщее негодованіе, Князь Михаилъ Юрьевичь отъ намѣренія своего не отсталъ, и одинъ отъ Князей Ярополка и Мстислава во Владимиръ уѣхалъ, а Владимирцы его за Князя своего признали; тогда всѣ прочіе города объявили имъ, яко нарушителямъ народнаго постановленія, войну. Владимирцы не въ состояніи будучи противиться общимъ Княжества силамъ, принуждены были повиноваться ихъ воли и Князя Михаила изъ города отъ себя выслать. По отшествіи его кончилось междоусобіе, и Князья избранные всего народа согласіемъ осталися вкупѣ на княженіи, Ярополкъ, яко старшій, во

Владимирѣ, а Мстиславъ въ Ростовѣ, городѣ ко Княжеству Владимирскому принадлежащемъ. Не ясно ли изъ сего открывается, что по Князѣ Андреѣ заступили престолъ Княжества Владимирскаго Ярополкъ и Мстиславъ, а не Михаилъ, и что послѣднїй держалъ Владимиръ не по праву народнаго избранїя; въ слѣдствїе чего и не признаваемъ былъ всѣми Государственными Чинами за законнаго Князя, но за похитителя.

§ XIII.

Подъ § CII. Примѣчанїй моихъ на Леклерка, въ выноскѣ упомянулъ я, что Леклеркъ, 1) при описанїи Коломанова княженїя въ Галичѣ, разные бытїя, не малымъ временемъ раздѣленные, совокупилъ въ одно, а другїе важные пропустилъ; 2) что число Рускихъ войскъ бывшихъ на сраженїи при Калкѣ, увеличилъ, а Татарскихъ уменьшилъ; 3) что взятье и разоренїе Кїева положилъ за несколько лѣтъ прежде нежели оное въ самой вещи послѣдовало. Сочинитель письма на первое говоритъ: „въ Исторїи моей не „смѣшалъ я разныя побѣды, одержанныя надъ „Колломаномъ Княземъ Венгерскимъ.„ . . . .

Я о смѣшенiи побѣдъ не говаривалъ, и на Исторiю его ни здѣсь, ни въ другихъ мѣстахъ не указывалъ; а говорилъ о совокупленiи Леклеркомъ разныхъ бытiй не малымъ временемъ раздѣленныхъ, что всякой, кто захочетъ потрудиться свести его Исторiю съ нашими лѣтописями, удобно усмотритъ, не только въ семъ времени, о которомъ настоитъ рѣчь, но и въ другихъ мѣстахъ. О побѣдахъ одержанныхъ надъ Коломаномъ Рускими Князьями, о взятьѣ его въ плѣнъ, и о освобожденiи за 15000 фунтовъ серебра, нѣтъ мнѣ нужды ссылаться на другихъ, ибо и Татищевъ тожъ написалъ, съ уменьшенiемъ только числа денегъ за выкупъ за Коломана взятыхъ; количество коихъ кажется Сочинителю письма невѣроятнымъ. Но развѣ я утверждалъ быти оное достовѣрнымъ? я писалъ то, что нашелъ въ лѣтописяхъ, не входя въ разбирательство, должно ли тому вѣрить или нѣтъ. Сiе обязанъ былъ учинить Историкъ: я не писалъ Исторiи, а по тому и не имѣлъ нужды входить въ подобные разсмотрѣнiя; и о настоящихъ обстоятельствахъ напомянулъ только мимоходомъ, въ вящшее доказатель-

ство неосмотрительностей Леклерковыхъ....
О числѣ войскъ Рускихъ и Татарскихъ написалъ я послѣдуя имѣющейся у меня древней лѣтописи, а про уронъ Татаръ сказанію Татищеву, не сомнѣваясь, чтобъ онъ, не имѣя на то Историческаго доказательства, такъ написалъ, хотя „и ни на какого древняго „Писателя не ссылается;„ тѣмъ паче, что и самое послѣдствіе обстоятельствъ сказаніе его подтверждаетъ; ибо естьли бы не имѣли Татара толь важнаго урона, то не оставили бы послѣ *сраженія* учинить нападенія на области Рускія, вѣдая, что онѣ, по толь жестокомъ пораженіи, никакъ не въ силахъ были учинити сильнаго отпора.

§ XIV.

Левекъ, уличая Леклерка, что онъ, сочиняя свою Исторію о Россіи, всѣ вещества Историческіе бралъ изъ его Исторіи, даже и ошибкамъ его послѣдовалъ, и въ томъ приводомъ самыхъ тѣхъ мѣстъ его доказываетъ; я въ томъ же самомъ намѣреніи оныя улики Левековы, въ моихъ Примѣчаніяхъ на Леклерка, повторяя написалъ: „у Левека, „подъ лѣтомъ 1093, вмѣсто Святополкъ

„Изяславичь, ошибкою поставлено Свято-
„полкъ Ярославичь, и Леклеркъ точно также
„написалъ, Левекъ ошибкою написалъ, Лѣто-
„писи сказуютъ, а надобно бы сказать: Князь
„Щербатовъ пишетъ, и Леклеркъ написалъ
„то же, Лѣтописи сказуютъ.„

Сочинитель письма послѣднее изобличенїе Левеково Леклерку, въ которомъ упоминается имя его, приписавъ невѣдомо почему мнѣ, вмѣняетъ то себѣ въ охуленїе отъ меня, и съ крайнимъ оскорбленїемъ жалобу на меня приноситъ, говоря: „Сколько
„въ сихъ краткихъ словахъ не вмѣщается
„напраснаго охуленїя мнѣ! зачать ли мнѣ
„за зло зломъ воздавать, за сокрытое ру-
„гательство отвѣтствовать бранью„ и проч. Естьли прописанные слова, ни малаго оскорбленїя, не только ругательства въ себѣ не заключающїе, прїемлетъ онъ за охуленїе и бранъ, то по крайней мѣрѣ не отъ меня, а отъ Левека, ибо не мои то суть слова, а его, о чемъ я точно и сказалъ, говоря:
„изъ многихъ его (сирѣчь Левековыхъ) до-
„водовъ покажу я токмо нѣкоторые, дока-
„зывающїе, что и самыя ошибки тисненїя
„въ его книгахъ находящїяся, не оставилъ

„онъ внести въ свои;„ а прописавъ тѣ Левековы доводы еще повторилъ: „сіи суть „доводы Г. Левека.„ Т. I. § CVII. Въ вящшее удостовѣреніе пусть онъ, естьли угодно будетъ, справится съ Исторіею Левековою, то увидитъ, что оныя слова, пріемлемые имъ за охуленіе себѣ, суть точно его, а не мои. Однакожъ, Сочинитель письма мнитъ себя быть въ правѣ, за *сокрытые* мнимые отъ меня ругательства, коихъ въ самой вещи не явилось, отвѣтствовать мнѣ бранью, и не иначе, какъ будто бы изъ великодушія, симъ правомъ пользоваться не хочетъ: но я вмѣсто досады сожалѣю о заблужденіи, и угрозительные слова, по дѣйствію желчи и высокомѣрія произнесенные, оставляю безъ замѣчанія.

Послѣ, продолжая жалобу свою на меня, пишетъ: „Но охулитель мой, смѣшавшій „меня своего согражданина, сочлена въ Российской Академіи, съ Леклеркомъ охуляя „Левека, что онъ иногда на меня ссылается, „самъ многажды дѣлаетъ ссылку на Татищева, и сіе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ „либо противорѣчитъ нашимъ лѣтописямъ, „и проч.„ . . . стран. 87 и 88. Что мнѣ

отвѣчать на такія укоризны, коихъ я ниже по намѣренію не заслужилъ; Левека я, не только въ ссылкѣ его на Исторію Князя Щербатова, но ни въ чемъ и никогда не охулялъ; своего почтеннаго Согражданина и Сочлена Академіи смѣшивать съ Леклеркомъ, о которомъ я не иначе разумѣю какъ о дерзкомъ клеветникѣ и сущемъ вралѣ, ниже въ голову мою не приходило; слова произведшіе на меня сію укоризну, суть не мои, какъ я выше сказалъ, но Левековы, и я приводилъ ихъ не въ намѣреніи охулить Левека, но изобличить Леклерка въ запирательствѣ его, яко бы онъ ничего изъ Исторіи его не почерпалъ. И такъ весьма сожалѣю, что почтенный мой Согражданинъ и Сочленъ, не примѣтя смысла словъ моихъ довольно ясныхъ, безъ всякой причины толико оскорбился, а еще болѣе, что не справяся съ Левекомъ, произнесъ на меня жалобу и сдѣлалъ мнѣ укоризну несправедливо.

Касательно ссылки моей на Татищева, сего отнюдь ни за охуленіе, ни за порокъ себѣ не вмѣняю и не пріемлю; довѣренность моя къ нему основывается на томъ, первое, что я не примѣтилъ въ его Исторіи ничего

ни легковѣрнаго, ни сумнительнаго, а все съ разсужденіемъ, съ точностію и съ доводами писанное; второе, что все то, что онъ писалъ, находилъ я согласнымъ и съ нашими лѣтописями и съ обстоятельствами временъ и произшествій; а по тому и не имѣю я причины раскаяваться, что и въ приведенныхъ мнѣ въ укоризну мѣстахъ ему послѣдовалъ, хотя въ нихъ Сочинитель письма ему и противорѣчитъ.

Въ слѣдствіе предложеннагожъ, продолжаетъ оскорбленный мой Согражданинъ и Сочленъ мнимымъ ему отъ меня похуленіемъ, говоритъ: „За всемъ симъ не безъ„извѣстнымъ Г. Болтину, ссылается во мно„гихъ мѣстахъ на Татищева, обо мнѣ же „поминаетъ токмо тогда, когда то можетъ „въ предъосужденіе мнѣ учинить. Не знаю „тому причины, ибо въ лице его не знаю, „и истинно ни мыслію моею никогда не „погрѣшилъ противу его.„ На что искренно отвѣчаю: Начавъ дѣлать возраженія на Леклерка, не имѣлъ я при себѣ Исторіи Князя Щербатова; и хотя бы могъ ея испросить у пріятелей моихъ на подержаніе, но я не признавалъ ее необходимою для моея ра-

боты, имѣя у себя Нестора, Татищева, одну старинную Лѣтопись и Левека; да и справки дѣлалъ я рѣдко съ Рускими книгами, вѣдая, что Леклеркъ, не зная по Руски, не могъ почерпать изъ нихъ, а только то описалъ, что находилъ въ Левекѣ, и на что даны ему были здѣсь отъ прiятелей его замѣчанiя, выписки и наставленiя. Возражая мѣста находимые мною несправедливыми и сумнительными въ Исторiи Леклерковой, не входило мнѣ въ голову, что я, противорѣча имъ, возпротиворѣчу и Князю Щербатову, а еще менѣе, что тѣмъ самымъ причиню ему оскорбленiе и досаду. Словомъ сказать, кончилъ я мои Примѣчанiя на Леклерка не заглянувъ ни единожды въ его Исторiю, и для того ни въ одномъ мѣстѣ на нее не ссылался, хотя иногда и надобность въ томъ была, какъ на примѣръ о Тмутараканѣ и тому подобныхъ вещахъ; упомянулъ же единожды имя его при означенiи ошибки его въ словѣ *гребля*, по памяти читавъ прежде его Исторiю. Все сказанное мною есть истинна, которую я послѣ и докажу. Въ прочемъ я самъ тожъ скажу о Князѣ Щербатовѣ, что онъ о мнѣ

говоритъ, что я въ лице его не знаю, и истинно ни мыслїю моею никогда не согрѣшилъ противъ его; прибавя къ тому, что и отъ него себѣ ни малѣйшїя досады не видѣлъ; слѣдовательно и причины негодовать на него, тѣмъ менѣе вредить ему дѣломъ или словомъ, не имѣлъ и не имѣю.

§ XV.

Объ обрядѣ употребляемомъ Татарскими Ханами, при случаѣ возведенїя по волѣ ихъ изъ Князей Россїйскихъ на престолъ великаго княжества, писалъ я основываясь на Татищевѣ и на имѣющейся у меня рукописей лѣтописи, съ которыми и краткїе слова Нестора являются быть согласными; равнымъ образомъ и изъ Никоновской лѣтописи мѣсто приведенное Сочинителемъ письма тому не противорѣчитъ же. Слова оныя Лѣтописи, на коихъ онъ утверждаетъ свое противорѣчїе Татищеву и мнѣ, суть: „и тогда Царь Махметъ даде великое кня„женїе Князь Василью Васильевичу, и по„велѣ дядѣ его и конь подвести;„ говоря, что вмѣщенная въ нихъ частица, и, являетъ, что коня подводить старшему изъ удѣль-

ныхъ Князей не принадлежало къ обряду постановленія, какъ я написалъ въ Примѣчаніяхъ моихъ, Т. I. стран. 297; и что послѣдующіе слова тожъ Лѣтописи, по мнѣнію его, и болѣе то утверждаютъ: „Князь же Василій Васильевичь не восхотѣ „того дядю своего обезчестити; слѣд„ственно, говоритъ, естьли бы сей былъ „всегдашній обычай, то бы сіе ему въ без„честіе вмѣнить не льзя, яко и прекло„ненія колѣнъ матери Карла IX. предъ ея „сыномъ.„

Самые сіи слова, коими Сочинитель письма мнѣніе свое подкрѣпить хочетъ, являютъ противный смыслъ тому, каковый онъ въ нихъ подразумѣваетъ. Частица, и, по мнѣнію моему, болѣе подтверждаетъ Татищева и мое сказаніе, что велѣно было Князю Юрью Дмитріевичу коня подвести въ слѣдствіе обряда обыкновенно при таковыхъ случаяхъ употребляемаго, нежель для усмиренія гордости его, какъ разумѣетъ онъ и Леклеркъ; и что для вразумленія послѣдняго не было бы нужды ее поставить, яко никакъ къ подразумѣвающемуся смыслу не относящуюся. Когда писана была Лѣто-

пись, которой Никонъ послѣдовалъ, тогда не было нужды объяснять о семъ обрядѣ яко о извѣстномъ всѣмъ, и для того Сочинитель ея удовольствовался краткими словами его означить, „и повелѣ дядѣ его „и конь подвести;„ сирѣчь совершити дѣйствіе обрядомъ постановленія предписанное. Не то же ли бы самое было, естьли бы онъ сказалъ тако: Улу-Магметъ, выслушавъ прозьбу и пренїе между Дяди и Племянника, предпочелъ прозьбу послѣдняго, признавая притязанїе его на престолъ Великокняжескій правильнѣйшимъ, и пожаловавъ его Великимъ Княземъ, приказалъ то свое пожалованїе совершить по чину; въ слѣдствіе котораго Дядѣ, яко старѣйшему изъ Князей, коня Племяннику подвести надлежало. Такъ я краткїе слова нашихъ лѣтописей понималъ, и кажется иначе и понимать ихъ не должно.

Ежели Татищевъ не написалъ, откуда онъ почерпнулъ существованїе прописаннаго обряда, и ежели сказанная частица и, не заставляетъ подразумѣвать онаго, то и Князь Щербатовъ не написалъ же, откуда онъ взялъ, что Улу-Магметъ, для усмиренїя

гордости Георгіевой, велѣлъ ему коня племяннику своему подвести; ибо въ лѣтописяхъ нашихъ не обрѣтается ни точнаго сказанія о семъ обрядѣ, ниже для чего коня Георгію подвести велѣно, тѣмъ менѣе того, чтобъ сіе дѣйствіе относительнымъ ко усмиренію гордости Георгіевой разумѣть было должно.

Послѣдніе слова, „Князь же Василій не „восхотѣ того дядю своего обезчестити„ также будутъ темны и невразумительны, ежели не отнесть ихъ къ сказанному обряду; ибо, въ противномъ случаѣ, не могъ бы Князь Василій освободить дядю своего отъ дѣйствія возложеннаго на него въ наказаніе за его гордость, понеже сіе увольненіе не отъ негобъ тогда зависило, а отъ Улу-Магмета, подвергнувшаго его сему наказанію или пени. Положа веденіе коня относительнымъ къ обряду, будетъ имѣть волю Князь Василій освободить дядю своего отъ исполненія сея должности, и препоручить ее другому изъ Князей старѣйшему по немъ. Не было безчестія конечно Князю Георгію, въ слѣдствіе сего обряда, яко удѣльному Князю коня вести подъ Ве-

ликимъ Княземъ, по Татарскому чиноположенію; но племянникъ его, изъ почтенія къ нему, вмѣнилъ то, слѣдуя Рускимъ обычаямъ, въ безчестіе ему, и для того велѣлъ заступить мѣсто его другому. Карлъ IX. счелъ исполненіе обряда, состоящаго въ колѣнопреклоненіи матери его предъ нимъ, за необходимое, можетъ быть по тому, что не кому было, по приличности, мѣста ея заступить; а Василій могъ уволить дядю своего отъ подобнагожъ исполненія, по тому что Георгіево мѣсто и другому заступить чиноположеніе Татарское не возпрещало; и такъ ни первой исполненіемъ обряда не нанесъ матерѣ своей безчестія, ни другой увольненіемъ дяди своего онаго не нарушилъ.

§ XVI.

Гдѣ стояла Тмутаракань, по сіе время еще не доказано, хотя на то многіе Писатели различные мнѣнія приводятъ. Татищевъ мнитъ быть городу сему въ княжествѣ Резанскомъ, въ верховьѣ рѣки Прони, гдѣ и поднесь, какъ сказывалъ ему одинъ тамошній Дворянинъ, есть запустѣлое городище и нѣсколько зданія каменнаго видно.

Я, основываясь на тѣхъ же свидѣтельствахъ, кои Татищевъ на мнѣніе свое приводитъ, полагалъ быть ему на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ пригородъ называемый Старая Резань находится; однакожъ, объявляя о семъ мнѣніе свое до мнѣнія Князя Щербатова, полагающаго быть Тмутаракани, гдѣ нынѣ Азовъ, отнюдь не касался, ибо не имѣя въ рукахъ его Исторіи, какъ выше я сказалъ, писанное имъ о семъ не пришло мнѣ въ память; въ слѣдствіе чего и исчисляя разные мнѣнія о мѣстѣ сего города, не причислилъ его мнѣнія къ прочїимъ. Сочинителю письма угодно было мнѣ оное припомнить, такъ какъ бы упрекая меня въ неосторожности, что я, искавъ мѣста Тмутаракани, позабылъ его болѣе прочїихъ вѣроятнѣйшее; однакожъ, я благодаря его за припоминаніе, останусь лучше при моемъ. Какіежъ доказательства, что княженіе Тмутараканское было близь Азова, онъ приводитъ? 1) „Что княженіе сіе наводило страхъ „Грекамъ; 2) что посланный отъ Грековъ Котопанъ, отравивъ Князя Ростислава, ушелъ „въ Корсунь и урекъ смерть его до дни „осьмаго.„ И такъ естьли бы Тмутаракань

была въ Резани, то бы, по мнѣнїю его, Ростиславъ не могъ наводить страхъ на Грековъ; не могъ бы брать дань съ Косоговъ жившихъ на Дону, и по крайней мѣрѣ, не въ верховьѣ сея рѣки, также и Котопанъ не могъ бы прежде осьмаго дни приѣхать въ Корсунь.

Давно уже я примѣтилъ, и по многимъ другимъ обстоятельствамъ, что въ Резани полагать Тмутаракань не сходно, но не обрѣтая другаго мѣста приличнѣйшаго, принужденнымъ нашлося согласиться на мнѣнїе Татищева; ибо всѣ прочїе мнѣнїя еще болѣе прописаннымъ обстоятельствамъ противорѣчатъ, а особливо тѣхъ, кои полагаютъ ее тамъ, гдѣ нынѣ Азовъ, что можно ясно доказать. Оставя прочїе затрудненїя встрѣчающїеся въ лѣтописяхъ, разсмотримъ одни сказанные: ежели изъ Резани неудобно было Ростиславу страхъ причинять Грекамъ, то не менѣе неудобножъ изъ Азова, ибо говорится здѣсь не о тѣхъ Грекахъ, кои жили на Таврическомъ полуостровѣ, но о тѣхъ, кои жили въ Елиссѣ и другихъ городкахъ по Днепру. Ежели далеко кажется изъ Резани брать дань съ Косоговъ, то еще гораздо

далѣе изъ Азова, ибо Косоги подлинно жили въ верховьѣ Дона и по рѣкамъ впадающимъ въ него, а не на устьѣ его, которое, равно какъ и весь берегъ Азовскаго моря, принадлежало другимъ народамъ. Ежели Котопану трудно было прежде осьми дней изъ Резани пріѣхать въ Корсунь, то изъ Азова и на нынѣшней почтѣ ѣдущему едва ли то будетъ возможно; ибо здѣсь идетъ рѣчь не о той Корсунѣ, которая была въ Тавріи, но о той, которая и по нынѣ существуетъ на рѣкѣ Росѣ, и въ которой подлинно тогда Греки жили, чего Сочинитель письма не досмотрѣлъ, хотя о городѣ семъ и не однократно въ лѣтописяхъ нашихъ упоминается. Сверхъ того всякому и мало свѣдущему въ нашей Исторіи извѣстно, что древніе предѣлы Россіи никогда до тѣхъ мѣстъ, гдѣ нынѣ Азовъ, не простиралися, и что пограничными городами былъ Елецъ, Воронежъ, Курскъ и проч., да и самъ Князь Щербатовъ въ Исторіи своей, Т. II. стр. 83. пишетъ, что около тѣхъ мѣстъ, гдѣ Азовъ, жили Половцы, кои и до того времени тамъ кочевали. Всѣ сіи обстоятельства сообразя и одумавъ, долженъ былъ я согласиться на то,

что Тмутаракань была въ Резани, не находя другаго мѣста для нее приличнѣйшаго.

Однакожъ, недоволенъ будучи симъ мѣстомъ для нее, употребилъ я всю мою прилѣжность въ сысканіи подлиннаго, или по крайней мѣрѣ сходнѣйшаго мѣста для сего города, нежель всѣ тѣ, которые отъ разныхъ Писателей представлялися; но всѣ мои староанія о семъ остались бы, можетъ быть безплодными, ежели бы нечаянный случай желанію моему не удовлетворилъ. Подлинно нашелъ я истинное мѣсто, гдѣ была Тмутаракань, и которое по тому я истиннымъ называю, что оно всѣ прописанные затрудненія разрѣшаетъ, и всѣмъ происшествіямъ относящимся къ сему городу, упоминаемымъ въ нашихъ лѣтописяхъ, соотвѣтствуетъ. Предоставляю себѣ сказать о томъ въ другомъ сочиненіи приличнѣйшемъ для таковыя предлежности, и которое, уповаю, ежели не воспрепятствованъ чемъ буду, въ скоромъ времени окончить. Послѣ разглагольствія о Тмутараканѣ, Сочинитель письма обращается къ словамъ Леклерковымъ, прописаннымъ мною въ Примѣчаніяхъ моихъ на него, Т. I. § CLXIII. Расказы-

ваетъ подробно какъ и по чему сдѣлался онъ ему знакомъ, и что съ нимъ когда говаривалъ, и наконецъ заключаетъ тѣмъ, что онъ ему никакихъ записокъ о Законахъ нашихъ не давывалъ; слѣдовательно Леклеркъ все то солгалъ, и его тѣмъ, яко бы онъ его „многочисленными сокращеніями снабдилъ„ безстыднымъ образомъ поклепалъ. Но какъ все сіе до меня не принадлежитъ, а относится токмо къ вящшему свидѣтельству наглой лживости Леклерковой, даже до степени превышающія вѣроятіе; и такъ, и увѣреніе Леклерково и отрицаніе Сочинителя письма, оставляю я въ полной ихъ силѣ.

§ XVII.

О Думныхъ Дворянахъ говорилъ я послѣдуя Татищеву, онъ такъ точно въ своемъ Словарѣ Географическомъ, Политическомъ и Гражданскомъ написалъ, съ котораго списокъ имѣю я у себя хотя и неполной, и ежель есть въ описаніи моемъ о семъ погрѣшность, то не ко мнѣ оную, а къ нему относить должно. Однакожъ, весьма сумнительно, чтобъ Татищевъ могъ въ семъ сказаніи сдѣлать ошибку, ибо при Петрѣ Великомъ

былъ уже онъ въ совершенныхъ лѣтахъ, и слѣдовательно могъ довольно наслышаться о семъ отъ такихъ людей, кои сами были въ Думныхъ Дворянахъ, и коихъ согласное ему сказанїе безъ сумнѣнїя вящшую довѣренность заслуживаетъ, нежель чье либо заключенїе сдѣланное изъ краткихъ и темныхъ словъ книгъ розрядныхъ. И такъ да проститъ мнѣ почтенный мой Согражданинъ и Сочленъ, что я болѣе въ семъ случаѣ къ сказанїю Татищева нежели къ его имѣю довѣренности, въ разсужденїи причинъ сказанныхъ, на коихъ я основываюся.

§ XVIII.

Древнее наше слово, бояринъ, Татищевъ производитъ изъ двухъ словъ Сарматскихъ, *по* и *ярикъ*, значущихъ, *голова умная*; а Сочинитель письма изъ двухъ словъ Рускихъ *бой* и *яръ*, и опровергая перьвое, а своего изобрѣтенїя дѣльность утверждая говоритъ: „Не соглашусь прежде на догадку Татищева, пока мнѣ ясно доказано будетъ: „1) что знаютъ нынѣ языкъ Сарматской, „и что мнимо остающїеся слова точно отъ „него произходятъ; 2) что въ Новѣгородѣ

„и въ Кіевѣ, какъ въ началѣ Россійскія Монархіи, такъ и во времена Преподобнаго „Нестора Сарматскій языкъ былъ во употребленіи; и 3) что тогда внутреннее „управленіе или градомудріе предпочитали „военнымъ добродѣтелямъ, какъ слово, *умная* „*голова*, того требуетъ." стр. 120.

Поищемъ же мы, не можно ли требованій его удовлетворить, чтобъ убѣдивъ тѣми заставить признать свое словопроизводство нестаточнымъ. На 1) Всѣ тѣ народы, которые издревле заселяли все пространство нынѣшнія Россіи, разумѣемъ мы подъ общимъ названіемъ Сарматъ. Они раздѣлялися на многіе поколѣнія, изъ коихъ каждое подъ особливымъ правленіемъ и особливое названіе имѣло. Нѣкоторые изъ нихъ будучи вытѣснены изъ отечественныхъ своихъ обиталищъ другими сильнѣйшими ихъ народами, отошли въ другія страны и тамъ новые царства основали; таковы суть: Авары, Угры, Команы и проч. Другіе, оставшися на прежнихъ своихъ мѣстахъ, или далѣе къ Сѣверу отступя, превратились въ Рускихъ и свой языкъ вовсе утратили; таковы суть: Меря, Мурома, Весь и пр. Нѣкоторые же изъ нихъ

и бывъ нѣсколько вѣковъ подъ начальствомъ иноплеменныхъ имъ народовъ, сохранили по нынѣ свой языкъ и природу; таковы суть: Мордва, Чуваши, Черемиса, Корелы, Фины и проч. Они говорятъ и теперь языкомъ Сарматскимъ, не тѣмъ самымъ, которымъ говорили праотцы ихъ за нѣсколько вѣковъ отъ сего времени, но нарѣчїемъ произходящихъ отъ того, болѣе или менѣе отъ него отдалившимся, по смѣшенїю съ другими языками; однакожъ не менѣе, можетъ быть, сходнымъ, сколь сходенъ нынѣшнїй языкъ Руской съ тѣмъ, каковымъ писаны Законы извѣстные подъ именемъ Ярославовыхъ. Что въ нынѣшнемъ нашемъ языкѣ осталося много такихъ словъ, кои не *мнимо*, но точно произходятъ отъ Сарматскихъ, то доказывается сходствомъ оныхъ словъ съ словами нарѣчїй сказанныхъ народовъ, и одинакимъ или близкимъ ихъ на тѣхъ нарѣчїяхъ значенїемъ. Я не имѣю у себя другихъ словарей нарѣчїй Сарматскихъ кромѣ Финскаго, Шведскаго и Венгерскаго, изъ коихъ приискавъ по нѣскольку словъ, сколько краткость времени и скучность таковаго упражненїя мнѣ дозволила, при семъ представляю.

Слова Финскіе:

Caka. Значитъ тожъ что у насъ въ нарѣчіи дѣтскомъ, кака.

Calkuna. Индѣйка. И у насъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ индѣйку Калкуномъ называютъ.

Cassara. Садовничья коса.

Kissa. Кошка. По нынѣ мы, лаская кошку, называемъ киска, и маня къ себѣ говоримъ: кисъ, кисъ.

Led. Зло, худо. Отъ того слово, лядъ.

Mera. Лошадь, кляча. Отъ того наше слово, меринъ.

Nena. Носъ. Въ простонародіи говорятъ: нюни разбить, разквасить, сирѣчь по носу куламомъ ударить.

Pasma. Небольшой мотокъ нитокъ. У насъ называютъ пасмомъ нѣкоторое опредѣленное количество нитокъ въ моткѣ.

Palika. Палка.

Pahto. Ссѣвшееся огустѣвшее молоко. Отъ того, пахтанье, пахтаю.

Purako. Сосудъ изъ древесной коры. Отъ того, буракъ.

Raadi. Судія. Отъ того глаголъ, ряжу, сирѣчь сужу.

Silki. Отъ того наше слово, шелкъ, которое тожъ значитъ что и Silki.

Sloecht. Родство, свойство. Отъ того произходитъ, шляхтичь; подобно какъ Французскихъ Перовъ произошло названіе отъ слова pair, чета, товарищъ.

Tina. Тожъ значитъ что по Руски, тина.

Walaka. Меринъ. Въ Малороссіи, валакъ, значитъ кладен.й баранъ.

Wari. Горячая вода, которую и по Руски называютъ варъ.

Wersta. Уравненіе, сравненіе, оцѣнка вещи. Отъ того глаголъ, верстаю. Въ пѣсняхъ поютъ: Неровня мнѣ не подъ версту. Можно бы слово сіе употребить вмѣсто Французскаго слова valeur, котораго въ нынѣшнемъ языкѣ Рускомъ недостаетъ.

Wyoery. Водоворотъ, пучина. Въ Малороссіи и доднесь водоворотъ называютъ, виръ.

Ruskia. Русой, рыжій.

Tumma. Темный, мрачный. Вѣроятно, что слово туманъ отъ сего произходитъ.

Waras. Тать. Являетъ нашего слова, воръ, единое произхожденіе.

Tuuli. Вѣтръ. Глаголъ нашъ, притулиться, сирѣчь отъ вѣтра, отъ непогоди защищаться,

закрыться чемъ; ежели не произвести отъ сего слова, то едва ли другой корень сыскать ему можемъ.

Tawara. Сокровище, казна. Явственно убо есть что наше слово, товаръ, занято отъ него.

Taraka. Тожъ значитъ что по Русски тараканъ.

Sirka. Сверчокъ. Глаголъ, чиркаю, безъ сумнѣнія отъ сего слова произходитъ, тѣмъ паче, что въ нѣкоторыхъ провинціяхъ въ Россіи сверчка, чиркунъ называютъ.

Другіе Финскіе слова, бывшіе въ древнемъ Русскомъ языкѣ, покажу послѣ въ отвѣтѣ на второе вопрошеніе: слѣдуютъ

Слова Шведскіе:

Bessman. Вѣсы. Отъ того, безмѣнъ.

Blek. Блѣдный. Отъ него слова: блекну, блеклый, говоря о цвѣтахъ и краскахъ.

God. Хорошій, благій. Отъ того, годный, годится, и проч.

Grus. Тяжесть полагаемая на водоходныхъ судахъ, грузъ.

Scrijn. Сундучокъ, коробочка. Отъ того произходитъ, скрынка.

Pasman. По Шведски тожъ что по Фински pasma, а по Руски пасмъ.

Râd. Совѣтъ, дума. См. выше Финское слово Raadi. Radman, по Шведски значитъ Сенаторъ.

Crâfta. Родъ небольшихъ раковъ.

Skakade. Движенïе, колебанïе, качанïе. Отъ того глаголъ нашъ, скачу.

Skal. Корка древесная. И по нынѣ бересту называемъ скалою.

Sky. Облака. Изображая темноту ночи, говоримъ мы: такъ темно, что зги не видать. Трудно сыскать другаго корня слову, зга, ежели не произвесть его отъ сего Шведскаго слова, да и сходно оно съ тѣмъ смысломъ, которой мы означить чрезъ него желаемъ, ибо, въ самой вещи, когда облаковъ не видно, тогда на земли никакïе уже предмѣты зримы быть не могутъ.

Skylas. Тотъ, который по горсти, по колоску сбираетъ. Можетъ быть простонародное наше слово, скиляга, отъ того произходитъ, ибо смыслъ является сходенъ.

Слова Венгерскïе:

Bot. Палка, жердь. Глаголъ нашъ, ботаю, и орудïе, коимъ дѣйствïе сïе производится, ботъ, имѣютъ здѣсь свой корень.

• Kutya, а уменьшительное Kutyatska, значитъ собака. У насъ въ просторѣчiи и по нынѣ щенятъ называютъ кутяшками.

• Kurva. Тожъ значитъ, что и по Руски, курва.

• Balvani. Идолъ, болванъ.

• Barany. Ягненокъ. Отъ того, баранъ. Bika, быкъ.

• Bator. Смѣлый, отважный. Отъ того старинное наше слово, батырь, сирѣчь наѣздникъ.

• Buja. Своевольный, необузданный, неукротимый. Въ Польскомъ языкѣ осталось слово сiе въ вящшемъ употребленiи нежель у насъ; у нихъ говорится: Kon buia, сирѣчь резвиться, по волѣ своей бѣгаетъ. Однакожъ и у насъ говорятъ: буйной вѣтеръ, и въ простонародныхъ пѣсняхъ: буйная головушка, и проч.

• Deák. Ученый, или умѣющiй грамотѣ; ибо въ старину, не только въ Россiи, но и во всей Европѣ, почитали за ученыхъ тѣхъ, кои грамотѣ умѣли. Отъ того наше слово, Дiякъ, которое съ перьвоначалiя писывали Деякъ.

• Gat. Насыпь, валъ.

• Ebed. Обѣдъ.

• Gereben. Гребень.

• Gereblye. Грабли.

• Hazang. Начальникъ дома. Отъ того, хозяинъ.

Hollo. Галка.

Kabala. Кобыла.

Kalatz. Калачь.

Oszlop. Подпора, подставка. ОтЪ того наше слово, ослопЪ которое и поднесь близкой смыслЪ имѣетЪ.

Paltza. Палица, палка; уменшит: paltzatzka, палочка.

Petset. Печать.

Ponyva. Вретище, посконина; отЪ того, понява, извѣстная крестьянокЪ нашихЪ одежда вЪ нѣкоторыхЪ уѣздахЪ.

Sip. Трость, камышь. ОтЪ того, сиповка, ибо изЪ камыша ихЪ дѣлали.

Testza. Тѣсто.

Titkos. Тайный, сокровенный. Titok. Тайна. Вѣроятно, что частей тѣла, кои мы титьками называемЪ, названїе произошло отЪ сего слова, понеже всегда ихЪ содержали покровенными.

Villa. Вилы.

Vitez. ВоинЪ, ратникЪ. ОтЪ того и наше слово Витязь.

Veder. Ведро, водоносЪ.

Множество словЪ ВенгерскихЪ вЪ РускомЪ языкѣ, по нынѣ существующихЪ, являютЪ,

что Угры и Команы въ древности жили съ Руссами въ соседстве, и языкъ имели сходной, прежде нежели они по разнымъ сторонамъ разошлися. Сїе обстоятельство придаетъ много ясности къ открытїю родоначалїя и первобытнаго обиталища Руссовъ, что я мимоходомъ замечаю. Славянскихъ словъ въ Венгерскомъ языке не меньше сколь и Венгерскихъ въ Рускомъ, но то отнюдь не дивно, ибо они сколько вековъ жили вместе съ Славянскими племенами, и прежде еще отшествїя своего отъ Кавкаскихъ и по преселенїи уже на те места, где они ныне живутъ; но какъ бы могли древнїе Руссы изъ языка ихъ столько взять словъ, естьлибъ и они также не жили съ ними вкупе въ первобытномъ ихъ обиталище, ибо по пришествїи Венгровъ за горы Карпатскїя, не имели уже Руссы съ ними такого сообщенїя, чтобъ занятїе оныхъ къ сему времени отнести было можно.

Оставя реченїя языка, сколько имеемъ мы названїй рекъ, городовъ и урочищъ, коихъ значенїя ни где отъискать не можемъ какъ въ наречїяхъ отъ языка Сарматскаго произходящихъ, что доказываетъ языка онаго

во всей Россіи всеобщее употребленіе. Во свидѣтельство сего приведу я нѣсколько примѣровъ, кои могъ я на теперешній случай привесть себѣ на память. 1) Названіе озера Ладожскаго, которое въ старину Нево называлося, произходитъ отъ слова Финскаго Newa, значущаго морской заливъ или губа. Моремъ называли его и Славяне, въ разсужденіи величины его, какъ въ Несторѣ во многихъ мѣстахъ стоитъ. 2) Извѣстное село Валдаи имѣетъ корень названія своего въ словѣ walda, что значитъ по Фински, могущество, власть. 3) Рѣка Малороссійская Сула, значитъ по Фински, текучая. 4) Городъ Малороссійскій Сумы, являетъ названіемъ своимъ, что былъ онъ нѣкогда обиталищемъ Сарматъ, ибо Фины и доднесь землю свою имянуютъ Suomi. 5) Городъ Верея, отъ Финскаго слова waraeja, значущаго заключенные врата. 6) Названіе города Колмогоръ, составлено изъ двухъ словъ, Сарматскаго и Славянскаго: colme значитъ, три. 7) Города Галича имя произошло отъ слова Шведскаго Hallitzen, правительствую, управляю: Hallitzia, правитель, начальствующій надъ областію. 8) Рѣка Прутъ, озна-

чаетъ на Шведскомъ, попеченіе, забота, безпокойство. 9) Бывшаго города Родни, о которомъ не однокрашно въ лѣтописяхъ поминается, названіе на Сарматскомъ значитъ, красный, ибо и по нынѣ въ Финскомъ rodna, цвѣтъ красныя краски означаетъ. 10) Названіе рѣки Кумы, значитъ на томъ же языкѣ, горячій; а рѣки Стыра, руль или кормило.

На 2) что въ Новѣгородѣ и въ Кіевѣ въ началѣ Россійскія Монархіи Сарматской языкъ былъ во употребленіи, кажется и сумнѣваться о томъ читавшему лѣтописи не можно. Какимъ языкомъ Руссы говорили прежде нежель уклонилися они на Сѣверъ, и одноплеменны-ль они были съ тѣми Сарматскими племенами, которые на Югѣ и Востокѣ нынѣшнія Россіи жили, въ разсмотрѣніе входить настоящая предлежность меня увольняетъ. Довольнымъ на сей случай мню сказать, что Руссы, преселяся въ Сѣверъ, многіе вѣки въ предѣлахъ Новгородскихъ жили прежде нежель Исторія наша начинается, и что нарѣчіе употребляли одинакое или сходное съ племенами имъ сосѣдними, каковы сушь Чудь, Кривичи

и другїе, которое ежель не съ собою они принесли, то безъ сумнѣнїя навыкли оному отъ нихъ, живучи толико вѣковъ съ ними вмѣстѣ. А что сїи окружавшїе ихъ племена были отъ Сарматскаго сонма, и говорили однимъ или сходнымъ языкомъ съ оставшимися на Югѣ и Востокѣ Сарматскими поколѣнїями, на то въ лѣтописяхъ нашихъ ясные есть къ вѣроятїю слѣды; а къ томужъ и въ нарѣчїяхъ ихъ потомковъ, по нынѣ существующихъ, являются довольные признаки единаго и общаго ихъ произхожденїя. Венеты или Венды, завладѣвъ обоими берегами залива Финляндскаго, всѣ племена жившїе по онымъ себѣ покорили, по чему и Финляндїя въ старину Венетїею называлася, но или не полюбилася имъ тамошняя сторона или по другимъ какимъ причинамъ, оставя они ее, на Ильменѣ озерѣ и по Волхову жилища свои основали, по чему и донесь Фины называютъ Россїю Wenaeja, а Рускаго человѣка Wenalaeienen, съ того самаго времени какъ Венды или Венеты въ Новѣгородѣ поселилися. Руссы вытѣсненные ими съ сихъ мѣстъ, принуждены были уклониться къ своимъ сосѣдамъ

Варягамъ, и поселясь между ними смѣшались съ ними, по чему и стали называть ихъ Варягоруссами, въ отличїе отъ тѣхъ Варяговъ и Руссовъ, кои были не смѣшаны. Чрезъ сїе сожитїе и частїю смѣшенїе, въ теченїи нѣсколькихъ вѣковъ, языкъ Руской съ Варяжскимъ и болѣе сдѣлался сходенъ, естьли и разнствовалъ съ нимъ прежде.

Не иное что, мню, какъ сїе крайнее сходство языка, и можетъ быть нравовъ и обычаевъ между Варягъ и Руссовъ, заставило и Нестора *признать* оба сїи народа за одинъ, о чемъ изъ словъ его во многихъ мѣстахъ заключить можно. На примѣръ, говоря онъ о природѣ Игоря послами Греческими къ *присягѣ*, въ слѣдствїе заключеннаго между Рускою землею и Греческимъ царствомъ мирнаго постановленїя, сказываетъ, что Игорь ходилъ къ ротѣ, и „елико поганыхъ въ Руси; и непосредственно „послѣ говоритъ: „ мнози бо бѣша Варязи Христїане; ясно дая тѣмъ знать, что Русь и Варяги суть одинъ народъ. Сѣверные Писатели также Варягъ, Русь и Чудь признавали за одинъ народъ, на тѣхъ же, можетъ быть, основываясь причинахъ. Сїе однакожъ

не опровергаетъ моего мнѣнія, предложеннаго въ Примѣчаніяхъ моихъ на Леклерка, что начальное произхожденіе Рускихъ неизвѣстно, а только даетъ знать, что долговремянное сожитіе и смѣшеніе Руссовъ съ Варяги учинило нарѣчія ихъ и нравы сходными, такъ что они за одинъ уже народъ признавалися.

Славяне поселившіеся на Ильменѣ, и подчинившіе владычеству своему окрестные Сарматскіе племена, заставили ихъ по нуждѣ говорить своимъ языкомъ; однакожъ безъ сумнѣнія Русь, Чудь и Кривичи, подвластные имъ, не успѣли еще до Рурика вовсе позабыть природнаго своего нарѣчія; тѣмъ паче живучи въ сосѣдствѣ съ Варягами, кои особливую область составляли, и особенныхъ Князей имѣли, хотя иногда и платили дань Славянамъ, а иногда и сами ее съ нихъ брали, по благопріятству щастія тѣмъ или другимъ въ ратоборствѣ.

По пресѣченіи рода Князей Славянскихъ и по избраніи Славянами Рурика съ братьями на княженіе себѣ, паки Руской языкъ сдѣлался преимущественнымъ въ княжествѣ Новгородскомъ, по тому что Рурикъ, будучи самъ отъ Рускаго рода, болѣе Рускихъ

и Варягъ уважалъ, нежели Славянъ, тѣмъ болѣе, что сіи явно оказалися ему недоброжелательствующими. На все сіе обрѣтаются въ Несторѣ ясные свидѣтельства, а именно, что Рурикъ отправясь, по приглашенію Славянъ, въ ихъ область, всѣхъ Рускихъ взялъ съ собою, то есть тѣхъ, кои между Варягъ жили; что получилъ самодержавіе противъ воли Славянъ, вспомоществуемъ будучи въ исполненіи намѣренія своего усердіемъ Рускихъ и противоборствующихъ ему Славянъ, у коихъ предводителемъ былъ Вадимъ, побѣдя казнилъ; что по всѣмъ городамъ поставилъ Рускихъ начальниковъ и ввелъ Рускіе войска, чтобъ Славянъ содержать въ уѣздѣ; и что отъ самаго того времени вся страна сія называться стала Русью, понеже Руской народъ сталъ быть господствующимъ, а пришельцы Славяне учинились подданными.

Долго Славяне терпѣли нѣкоторое униженіе себѣ передъ Рускими, пока Ольга, бывъ отъ рода Князей Славянскихъ, паки ихъ въ чины и достоинства возводить стала, и тѣмъ ихъ съ Рускими сравнила. Однакожъ и при Игорѣ почти всѣ вельможи были Ру-

скіе, что можно заключить изъ посланныхъ въ посольствѣ ко Грекамъ, въ числѣ коихъ ни одного Славянина не было, а всѣ Рускіе, слѣдственно естьли и употребляли они языкъ Славянскій, но безъ сумнѣнія и свой природной разумѣли. И то не меньше всемѣстное употребленіе языка Сарматскаго въ началѣ Монархіи Руской показуетъ, что почти всѣхъ боговъ имена, коимъ Владимиръ въ Кіевѣ капища и служеніе учредилъ, никакого значенія на Славянскомъ не имѣютъ, и ни одного изъ тѣхъ боговъ, коихъ Славяне обитавшіе по другимъ мѣстамъ чтили, каковы суть Бѣлбугъ, Чернбугъ, Сѣвана и проч: въ числѣ сказанныхъ Несторомъ не показано.

Показавъ доводы о употребленіи Сарматскаго или Рускаго языка при Рурикѣ въ Новѣгородѣ, обратимся теперь къ Кіеву. Что первобытные сея страны жители были Сарматы, о томъ ни кто не сумнѣвается. Славяне, пришедши съ Дуная и поселившися на брегахъ Днепра, большую часть племенъ ихъ власти своей подчинили или данниками учинили, и долгое время тутъ жили подъ именемъ Горянъ и Полянъ, пока Осколдъ, пришедъ изъ Новагорода съ Руссы и Варяги,

взялЪ КїевЪ и остался вЪ немЪ княжити. ВЪ скоромЪ времени потомЪ ОлегЪ, сЪ великимЪ войскомЪ составленнымЪ изЪ ВарягЪ, РуссовЪ, СлавянЪ, Мери и Кривичей, отправился изЪ Новагорода, и прежде взялЪ СмоленскЪ, потомЪ слѣдуя вЪ низЪ по Днепру всѣ племена Сарматскїе и Славянскїе, по берегамЪ его жившїе покорилЪ, и наконецЪ пришедЪ кЪ Кїеву, княжившаго вЪ немЪ Осколда обманомЪ вызвавЪ кЪ себѣ, убилЪ, и овладѣвЪ городомЪ и всею его областїю безЪ сопротивленїя, учинился всея тамошнїя страны обладателемЪ. СЪ того времени и Кїевское княженїе стало называться Русью, яко Рускому Государю подвластное и Рускими начальниками управляемое; по чему основательно можно заключить, что и языкЪ Руской вЪ вящшемЪ былЪ употребленїи нежели Славянской.

И такЪ, по всѣмЪ прописаннымЪ обстоятельствамЪ достовѣрно быть является, что оба сїи языки долгое время были вЪ общемЪ употребленїи, и что и Руссы и Славяне оба разумѣли, какЪ и до нынѣ вЪ Олонцѣ всѣ Рускїе умѣютЪ говорить по Корельски и всѣ Корелы по Руски. Послѣ

видится, что языкъ Славянскiй въ вящшемъ сдѣлался употребленiи между вельможъ и людей почетныхъ, по тому что при Владимирѣ и книги церьковныя съ Греческаго языка на него переведены, слѣдственно и всѣ писменные дѣла вели, также судъ и расправу отправляли на немъ. Съ того времени началъ языкъ Славянскiй усиливаться, а Руской мало по малу уничтожаться; однакожъ и по Владимирѣ долгое время еще между чернiю, яко сословiи многочисленнѣйшемъ, былъ въ общемъ употребленiи; что заключить можно изъ повѣствованiя Несторова, который описывая послѣдственные дѣянiя, вездѣ Руссовъ отъ Славянъ отдѣляетъ, яко: „въ лѣто 1018, пойде Болеславъ со „Святополкомъ на Ярослава съ Ляхи, Ярославъ же множество совокупи Руси, Варягъ, Славянъ, и пойде противу.„ Доказательно, что Славяне и Руссы не были еще соединены во единъ народъ, и говорили языками разными.

Вѣроятно, что и при Несторѣ языкъ Сарматскiй былъ еще между племенами Сарматскими, разумѣя въ томъ числѣ и Руссовъ, во употребленiи, хотя частiю и

помѣшанъ уже былъ съ Славянскимъ. Несторъ писалъ тѣмъ языкомъ, который былъ господствующимъ, и на которомъ всякіе письменные дѣла отправляли, сирѣчь испорченнымъ Славянскимъ; однакожъ и въ немъ много было примѣчено словъ Сарматскихъ или Рускихъ, которые сдѣлалися намъ нынѣ неразумительными, и значенія ихъ безъ помощи нынѣ существующихъ нарѣчій Сарматскихъ, понимать мы не можемъ. Во свидѣтельство чего выпишу я нѣсколько словъ такихъ; на примѣръ у Нестора написано: 1) „Слуги Игоревы и Нетіи Игоревы;„ смысла слова, Нетій, не могли бы мы никакъ добраться, ежели бы не осталося оное въ Шведскомъ и Финскомъ языкахъ, на первомъ naett значитъ: избранный, изящный, а на послѣднемъ naeetti, способный, полезный, благопріятный. 2) „Устави на дворѣ своемъ въ „гридницѣ пиръ творити Боярамъ.„ По Шведски greedar значитъ: поваръ, приспѣшникъ, а gryta, котелъ, горшокъ; а по тому и явственно будетъ, что Владимиръ приказалъ въ поварнѣ своей для Бояръ кушанья приготовлять. 3) Vero, по Фински значитъ: подать, поборъ; вѣроятно, что на-

званіе Вирьникъ отъ того произходитъ, сиречь собиратель податей. 4) „И начаша „скотъ брати, и приведоша Варяги, и вдаша „имъ скотъ.„ Еще: „Владимиръ раздавалъ „бѣднымъ отъ скотницъ своихъ кунами„ Scatt, по Шведски значитъ: казна и подать; чѣмъ совершенно оба слова сіи объясняются. Легко могло статься, что по нѣсколькихъ вѣкахъ, когда слово сіе изъ употребленія вышло, переписчикъ Несторовой лѣтописи, не разумѣя словъ, скатъ и скатница, почелъ ихъ ошибкою писца, и написалъ, скотъ и скотница, думая поправить, болѣе смыслъ учинилъ невразумительнымъ. 5) Въ Прологахъ, въ Патерикѣ и Никоновской лѣтописи употребляются слова: вотоляна свитка, говоря объ одеждѣ отшельниковъ и монаховъ, а по Фински wuota значитъ, невыдѣланная кожа: безъ помощи сего слова не могли бы мы уразумѣть, что одежда монашеская дѣлана была изъ невыдѣланныхъ кожъ. 6) Помѣщики издревле брали съ своихъ подданныхъ поборъ съ новобрачныхъ, которой называли куною, что и до нынѣ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ не вышло еще изъ употребленія; по Фински кunnia значитъ, честь,

доброе имя. Вѣроятно, что слово, куна, имѣетъ корнемъ своимъ оное Финское слово, которое объясняетъ и причину, для чего установлено было брать сказанной поборъ съ новобрачныхъ. Сіе подаетъ поводъ къ заключенію, что и у насъ въ старину было во употребленіи право извѣстное въ нѣкоторыхъ государствахъ Европейскихъ подъ названіемъ Gullagium, о которомъ писалъ я въ Примѣчаніяхъ моихъ на Леклерка, Т. II. стран. 238 и 278.

Языки также какъ и народы образуются вѣками, на что много примѣровъ Исторія намъ представляетъ. Галлы и Ишпанцы имѣли собственные языки; Римляне тѣхъ и другихъ поработя, заставили ихъ по неволѣ учиться языку Латинскому; послѣ мѣсто Римлянъ заступили другіе народы, яко Франки, Готы, Вандалы, Мавры, и ввели свои языки; а отъ смѣшенія сихъ языковъ произошли совсемъ новые нарѣчія, каковы суть нынѣ Французской и Ишпанской. Сравнивая древнихъ Руссовъ, Чудь и Кривичей съ Галлами и Ишпанцами, а Славянъ съ Римлянами, найдемъ тѣжъ послѣдствія. Славяне совокупившіеся съ Рус-

сами, Чудью, Кривичами и другими Сарматскими племенами во единъ сонмъ, во едино тѣло, чрезъ нѣсколько вѣковъ составили изъ себя новый народъ, отъ обоихъ нѣчто заимствующій, но ничего общаго ни съ тѣмъ ни съ другимъ не имѣющій; внѣшніе токмо знаки отъ климата зависящіе, яко русость волосовъ и бѣлизна кожи, осталися намъ общими съ Сарматскими племенами, по сожительству съ нимъ подъ одинакимъ климатомъ; а нарѣчіе ближайшее къ Славянскому, по употребленію языка сего въ церьковныхъ книгахъ. Сколько есть словъ Гальскихъ въ языкѣ Французскомъ и Иверскихъ въ Кастильскомъ, столькожъ есть и въ нынѣшнемъ Рускомъ того языка Рускаго, коимъ говорили до пришествія Славянъ въ Россію. Безмѣстно спросить, былъ ли во употребленіи Гальскій языкъ при Кловисѣ I., а еще безмѣстнѣе, былъ ли Руской во употребленіи при Рурикѣ или при Игорѣ; ибо премногіе въ Исторіи находятся доказательства, что во Франціи, чрезъ все продолженіе Меровейскаго поколѣнія, Галлы отъ Франковъ отдѣлялися и языкомъ и нравами, равно какъ и по нашествіи

на Россїю Славянъ многїе вѣки протекли прежде нежель сїи народы сдѣлались однимъ.

На 3) Нѣтъ кажется нужды, опровергая названїе, голова умная, дѣлать розъисканїя о предлагаемомъ, сирѣчь градомудрїе или ратоборство въ предпочтенїи имѣли древнїе Руссы, ибо неоспоримо есть, что для того и для другаго, то есть и для управленїя государственнаго и для предводительства войскъ, во всякое время были и всегда будутъ потребны умныя головы. Положимъ, что Князь Щербатовъ, яко искуснѣйшїй въ Россїйской Исторїи, докажетъ, что тогда военныя добродѣтели предпочиталися знанїю внутренняго управленїя или градомудрїя, но изъ того не извлечетъ отнюдь доказательства, чтобъ ярые въ бою предпочиталися тогда умнымъ головамъ; понеже первые могли быть годны и полезны только въ военное время, и то при умныхъ головахъ и подъ ихъ предводительствомъ, а послѣднїе и въ мирное время и въ военное, и безъ нихъ и съ ними.

Но всѣ сїи побочные пренїя оставя, надобно, чтобъ Князь Щербатовъ, въ подпору своего словопроизводства, доказалъ прежде,

что слово Бояринъ есть точно Славянское, а потомъ бы ужъ изъяснилъ его смыслъ; но понеже болѣе есть поводовъ къ заключенїю, что оно есть Сарматское, по тому что у Славянъ ни гдѣ названїя сего не было и нѣтъ, слѣдственно и искать его корня должно въ нарѣчїяхъ отъ языка Сарматскаго произходящихъ. Должность, которую Бояре въ древности отправляли, изъявляетъ, что они не въ однихъ военныхъ дѣлахъ упражнялися, но не меньше и во внутреннемъ государства управленїи. Послы Олеговы тако Царямъ Греческимъ говорили: „Мы отъ рода Рускаго посланнїи отъ Олега „Великаго Князя Рускаго, и отъ всѣхъ, иже „подъ рукою его свѣтлыхъ и Великихъ Кня„зей и его великихъ Бояръ.„ Явственно есть, что они, составляя верховный совѣтъ, раздѣляли съ Великимъ Княземъ бремя государственнаго правленїя въ мирное, и начальствовали войсками въ военное время.

Можно бы въ нарѣчїяхъ Сарматскихъ прискать множество словъ къ составленїю слова Бояринъ, естьли бы имѣлися у насъ всѣхъ оныхъ нарѣчїй Словари, однакожъ и въ одномъ Финскомъ сыскалъ я довольно

шаких, коих выговор с оным сходен, а из всех кажутся мне ближайшими сіи два слова: раіја, значущее отменный, отличный, и јаеrкі, разум, разсудок; и так названіе Боярин будет означать человека имеющаго отличный ум. По Венгерски Біго значит судья, начальник. Я не представляю словопроизводство мое достоверным, по крайней мере не меньше сходным и вероятным изобретеннаго Князем Щербатовым и другими, тем паче, что корень его приискан в наречіи такого языка, которым говорили в то время еще, когда слово Боярин сделано и во употребленіе введено.

§ XIX.

В удивленіе привели Князя Щербатова слова мои, в Примечаніях моих на Леклерка Т. II. стран. 463, где я между прочим сказал, что во время царствованія Государя Петра Великаго в придворных конюхах были по большой части Дворяне и дети Боярскіе Поставляет он то мне в превеликую ошибку, и доказательства на то приводит многіе, однакож

не столь убѣдительные, чтобъ заставили меня имъ повѣрить, тѣмъ болѣе въ противность достовѣрности, которую я всегда основанiемъ моимъ имѣлъ во всемъ томъ, что я писалъ въ возраженiе на Леклерка. Посмотримъ прежде его уликъ на мою ошибку, а потомъ представимъ и возраженiя на нихъ. Князь Щербатовъ говоритъ утвердительно: „что Дворяне и дѣти Бо„ярскiе, которые тѣжъ благородные были, „въ конюхахъ никогда не бывали;„ и доказываетъ слѣдующимъ: 1) Что изъ Десятинныхъ книгъ, разныхъ городовъ съ окладами, ни гдѣ онъ не нашелъ, что бы о какомъ Дворянинѣ въ числѣ конюховъ упоминалось. 2) „Что Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, истребивъ случайныя книги, повелѣлъ сочинить родословныя книги, и въ указѣ 1682 года Генваря 12 дня, сказавъ о знатныхъ родахъ и о бывшихъ употребленныхъ къ важнымъ дѣламъ говоритъ: а которые въ вышеписанныхъ честныхъ и знатныхъ чинахъ не были, а въ десятнѣхъ написаны въ средней и меньшей статьяхъ, и тѣхъ написати въ особую книгу. . . . Все сiе ни мало не значитъ конюховъ; а естьли бы подлинно

конюхи были изъ Дворянъ, то бы сей Государь соблаговолилъ и объ оныхъ особливо упомянуть.„ 3) Что имѣя онъ чинъ Герольдмейстера, исполнялъ сїю должность въ теченїи болѣе шести лѣтъ, но не встрѣтилось съ нимъ ни единожды, что бы кто, выводя своего рода линїю, упомянулъ, что предокъ его былъ въ конюхахъ.

Прежде нежели приступлю я къ отвѣту на оныя улики, надобно мнѣ сказать о произхожденїи названїя Дворянинъ и о значенїи сего слова перьвобытномъ и послѣдственномъ, что послужитъ къ предварительному уясненїю моего отвѣта. Первоначальное наше Дворянство, разумѣя слово сїе въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно нынѣ прїемлется, были Бояре: они то были у насъ, что въ Римѣ Патрицїи, во всемъ пространствѣ сихъ могущества и знаменитости. Нетїи были подъ Боярами, составляя вторую степень шляхетства, но ихъ названїе въ скоромъ времени уничтожилося. По нихъ видимъ мы Гридней или Гридбу, кои не иное что были, какъ то, что послѣ подъ названїемъ Дворянъ разумѣть стали, когда Славянскаго языка преимущественное

употребленіе заставило позабыть всѣ слова Сарматскаго или древняго Рускаго нарѣчія. Еще упоминаются въ лѣтописяхъ Дѣтскіе и Пасынки, но сіи болѣе относятся къ степенямъ чиновъ, нежели къ степенямъ родовыхъ достоинствъ: первые, судя по ихъ служенію, сходствовали съ Французскими Ecuyers, а послѣдніе съ называемыми у нихъ Taupins, о коихъ говорилъ я въ Примѣчаніяхъ моихъ на Леклерка Т. II. § CLXXIX.

Названіе Дворянина произошло отъ слова дворъ. Всѣ тѣ, кои при Дворѣ Великихъ и мѣстныхъ Князей въ разныхъ служеніяхъ состояли, назывались Дворяне, яко у Римлянъ Domestici. Они исправляли всѣ должности относительныя ко услугѣ своего Князя, кромѣ подлыхъ работъ и исправленій, которыя были удѣломъ рабовъ, а сіи не другіе были какъ плѣнники. Онижъ и стражу его составляли, и во время военное всегда были при немъ неотлучно, охраняя и защищая его особу. Въ первой разъ по лѣтописямъ нашимъ упоминаются Дворяне подъ лѣтомъ 1192: „Ярославъ „же сѣде самъ во Псковѣ, а Дворъ свой посла „со Псковичи воевати на Чудь;„ и послѣ того Гридни уже не воспоминаются.

Права БоярЪ и ДворянЪ вЪ древности весьма были пространны, что изЪ многихЪ мѣстЪ лѣтописей нашихЪ открывается; и хотя послѣдовавшія перемѣны вЪ правленіи, подЪ Татарскимъ игомЪ, во многомЪ ихЪ измѣнили, однакожЪ и послѣ уничтоженія оныхЪ власти видимЪ пользующихся ихЪ тѣми вЪ полной силѣ. Слѣды ихЪ правЪ и преимуществЪ частію изЪ Судебника, указовЪ Царя Ивана Васильевича, и даже изЪ Уложенья примѣтить можно; хотя при послѣднихЪ ВеликихЪ КнязьяхЪ, а паче вЪ царствованіе Ивана Васильевича и во многомЪ уже оные, по разнымЪ случаямЪ, низпали и повредилися. Предлежность сія весьма любопытна, а по тому и достойнабЪ была обстоятельнѣйшаго розыскaнія, но я опасаясь зайти далѣе предѣловЪ настоящія потребности, сокращаю о томЪ мое слово.

Надобно также сказать и о произхожденіи Дѣтей БоярскихЪ, прежде пока дойдетЪ дѣло говорить о различныхЪ степеняхЪ нашего Дворянства. Дѣти Боярскіе не иное что сЪ первоначалія были, какЪ родЪ ратныхЪ людей, набранныхЪ Боярами, чтобЪ вЪ походахЪ и на сраженіяхЪ, неотлучно

при нихъ будучи, составляли ихъ стражу, и охраняли ихъ особу, отъ чего и названiе Дѣтей ихъ получили. Они, относительно до ратоборства, тужъ должность при нихъ отправляли, что Дворяне при особахъ Великихъ Князей въ военное время. Когда они заведены, точнаго времени назначить не можно, однакожъ достовѣрно, что гораздо прежде времени Царя Ивана Васильевича, и думать надобно, что они заступили мѣста Пасынковъ. Имъ даны были помѣстья, вмѣсто жалованья, а тѣмъ самымъ и сравнены они быть стали съ мѣлкимъ Дворянствомъ, и въ слѣдствiе того часто въ Розрядныхъ книгахъ тогдашнихъ временъ, въ Судебникѣ и въ Уложеньѣ подъ именемъ Дворянъ разумѣются; а послѣ того вскорѣ вовсе названiе ихъ изчезло и всѣ они Дворянами называться стали.

Когда многiе Княжества, а наконецъ при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ и всѣ совокупилися подъ единодержавiе, и бывшiе въ тѣхъ Княжествахъ Дворяне вошли въ службу единаго Государя, а по многочислiю ихъ не могли всѣ помѣщены быть въ служенiе при Дворѣ; тогда лучшiе изъ нихъ

вошли въ сословїе Дворянъ Московскихъ, и осталися при первоначальномъ служенїи, а прочїе мѣлкопомѣстные токмо при ратной службѣ, и смѣшалися по помѣстьямъ съ Дѣтьми Боярскими. Тѣ и другїе стали составлять родъ войска, но войска первостепеннаго въ государствѣ, каковы были Всадники въ Римѣ.

При Царѣ Иванѣ Васильевичѣ потряслись всѣ коренные постановленїя Дворянства; всѣ права и преимущества древнихъ породъ Княжескихъ и Боярскихъ уничтожилися; понеже при правленїи Деспотическомъ оные существовать не могутъ. Многїе Князья и Бояра, лишенные родовыхъ своихъ владѣнїй, принуждены были за приобрѣтенїе себѣ считать, что могли войти въ сословїе Дѣтей Боярскихъ. Въ Дворянство древнее и коренное примѣшалося тьма новаго, по разнымъ случаямъ и способамъ. 1) Когда княжескїе удѣлы начали одинъ по одному присовокупляться къ великому княжеству Московскому, тогда опредѣляемые во оные отъ Великихъ Князей Намѣстники, управляя ими съ равномѣрною властїю яко и Князья, присвоили себѣ и всѣ ихъ права, а между про-

чими и сїе, что стали жаловать въ Дворяне; на нихъ взирая и Воеводы, будучи подобноюжъ властїю облеченные, тожъ дѣлать стали. Татищевъ въ примѣчанїяхъ своихъ на Судебникъ пишетъ, что Воеводы до того злоупотребленїе власти своей распространили, что не только въ Дворяне и Дѣти Боярскїе, но и въ Князья жаловали. Въ Сибирѣ и въ настоящїй вѣкъ Воеводы жаловали въ Дворяне, да и поднесь закономъ власть сїя отъ нихъ не отнята; но нынѣшнїе Воеводами жалованные Дворяне не входятъ уже въ сословїе дѣйствительныхъ Дворянъ, по обстоятельствамъ временемъ измѣненныхъ, а считаются за чинъ. 2) Не меньше вошло въ сословїе Дворянъ изъ всякихъ званїй людей, имѣвшихъ достатокъ, чрезъ покупку себѣ изъ казны земель порожнихъ въ вотчины, въ слѣдствїе указа сего Государя 1574 года, которымъ дозволялося оныя покупать всякимъ людямъ безъ изъятїя. Они, покупивъ тѣ земли, заселили ихъ крестьянами, что имъ и удобно было дѣлать по тогдашней вольности крестьянъ, и сдѣлалися вотчинниками равными тѣмъ, кои отъ предковъ своихъ наслѣдственно вот-

чины имѣли. Сколько изъ служащихъ въ Опришныхъ, въ кои всѣмъ удальцамъ и головорѣзамъ невозбранной былъ входъ, получили помѣстья и вотчины на счетъ древняго Дворянства, ко истребленію и уничтоженію коего служили они орудіемъ, и проч. Съ того времени названіе Дворянина стало быть ничего незначущимъ, никакой важности и цѣны неимѣющимъ. Всякой помѣщикъ сталъ быть Дворянинъ, а Дворянинъ не иное что, какъ служивой или ратной человѣкъ *помѣстный*, сирѣчь изъ помѣстья служащій; *лишившійся же помѣстья* входилъ въ званіе простолюдина. „Когда уничто„жено будетъ благородство, говоритъ Ба„конъ, тогда не останется болѣе равновѣ„сія между честію и богатствомъ, пожира„ющими и истребляющими себя взаимно.„

Въ сіе время видимъ мы Дворянство наше раздѣляющимся на три главныя степени отличія или предпочтенія, но на степени различія совсемъ другаго рода, нежель каковы были въ другихъ государствахъ и суть нынѣ въ Россіи. Сіижъ три главныя степени отличія раздѣлялися еще на многія другія, о коихъ покажу я при объясне-

нїи трехъ главныхъ. Первую степень Шляхетства нашего составляли Дворяне Московскїе, вторую Дворяне Городовые, третью Дѣти Боярскїе.

Подъ именемъ Московскихъ Дворянъ, кои также и Большими Дворянами назывались, состояли всѣ древнїе Дворяне, яко Князья и отъ нихъ произшедшїе породы, выѣзжїе изъ другихъ государствъ знатныхъ породъ люди, и тѣ, кои издавна въ Московскомъ Великомъ Княженїи помѣстья и вотчины имѣли, и коихъ предки службою себя отличили. Сея первыя степени Дворяне занимали всѣ чины, мѣста и должности знатныя и почотныя, а изъ послѣднихъ двухъ степеней непосредственно ни въ какїе чины не производилися, какъ сказано будетъ ниже. Чины, по коимъ сїи первостепенные Дворяне одинъ передъ другимъ мѣстничалися и породу свою возвышали, также раздѣлялися на степени знатности и достоинствъ, снизходящихъ на ихъ дѣтей и потомковъ. Первыя степени Чиновники извѣстны были подъ названїемъ Думныхъ Людей, яко составляющихъ Верьховный Совѣтъ Царскїй; таковы были Бояре, Окольничїе и проч. Изъ нихъ

опредѣлялися Воеводами въ войски, въ Намѣстники и проч. Вторыя степени Чиновники разумѣлися подъ названіемъ Комнатныхъ Людей, сирѣчь при лицѣ Царскомъ служеніе отправляющихъ; таковы были Стольники, Степенные Ключники, Стряпчіе, Крайчіе, Постельничіе и проч. Изъ нихъ опредѣлялися въ Головы и въ Воеводы нижнихъ степеней, также и въ другіе знатные ратные и земскіе чины и должности. Сіи-то Чиновники означены въ прописанномъ указѣ Царя Ѳеодора Алексѣевича подъ именемъ служащихъ въ честныхъ и знатныхъ чинахъ. Въ сіи чины не производилися иные кромѣ какъ изъ знатныхъ породъ, означенныхъ въ числѣ Московскаго или Большаго Дворянства, а хотя могли происходить и изъ Городовыхъ Дворянъ, но прежде надлежало имъ написаннымъ быть по Дворовому списку или въ Выборныхъ Дворянѣхъ.

Городовые Дворяне, кои и Меньшими назывались, суть тѣ, кои были у Князей удѣльныхъ, и помѣстья имѣли въ уѣздахъ тѣхъ упраздненныхъ княжествъ. Изъ нихъ ни въ какіе чины непосредственно не опредѣлялися, но единственною обязанностію

ихъ была ратная служба, а по тому и назывались они ратными или служилыми людьми помѣстными, въ отличіе отъ другихъ ратныхъ людей непомѣстныхъ или кормовыхъ, каковы были Иноземцы, Стрѣльцы, и другіе: подъ именемъ симъ въ Уложеньѣ они во многихъ мѣстахъ означаются, яко главы VII въ статьяхъ 8 и 9. Они имѣли также степени предпочтенія между собою, раздѣляяся на три статьи, большую, среднюю и меньшую, и въ слѣдствіе сего старѣйшинства и помѣстные оклады имѣли разные, по статьямъ своимъ. Высылалися они на службу отъ городовыхъ Воеводъ и Приказныхъ Людей, по грамотамъ изъ Розряднаго Приказа, и по тѣмъ нарядамъ являлися на предписанной срокъ и въ назначенное мѣсто къ Воеводамъ по полкамъ, гдѣ и служили въ десятнѣхъ рядовыми, равно какъ и кормовые, съ тѣмъ различіемъ, что сіи жалованье получали, а тѣ нѣтъ, и содержалися доходомъ съ помѣстей. Сихъ-то служащихъ въ десятнѣхъ имена вписывалися въ Десятинныя книги, а Дворовыхъ людей сыскать въ нихъ Сочинитель письма трудился понапрасну. Изъ большой статьи пи-

сали въ Дворовые, по дворовому списку, и въ Выборные Дворяне; а изъ сихъ уже опредѣлялися въ почотные должности и чины придворные и воинскíе, яко то: Стольники, Стряпчíе, Стрѣлецкíе Сотники и проч., по ихъ достоинству и заслугамъ; и таковые уже не только сами, но ниже дѣти ихъ не служили въ десятнѣхъ, сирѣчь рядовыми. Изъ средней статьи писали въ Жильцы, а изъ меньшой опредѣляли во всѣ должности нижнія при Дворѣ, и всѣ сіи находящíеся въ нижнихъ должностяхъ при Дворѣ означалися подъ названíемъ Дворовыхъ Людей, въ числѣ коихъ и конюха состояли, какъ покажется ниже. Въ сíюжъ степень Дворянства должно помѣстить и Иноземцовъ помѣстныхъ, сирѣчь въ сословíе Дворянства включенныхъ, для коихъ особливые помѣстья и оклады были сдѣланы; также Дворянъ Патрíаршихъ, Митрополичьихъ и другихъ духовныхъ Властей, понеже и сіи наровнѣ съ Городовыми Дворянами числилися.

Дѣти Боярскíе, примѣшавшíеся въ сословíе Городовыхъ Дворянъ по помѣстьямъ, хотя касательно ратной службы и одинакое служенíе съ ними отправляли, но всегда

почиталися ниже ихъ, и въ Выборные Дворяне изъ нихъ не писали, а употреблялися въ одинакія должности съ Дворянами меньшія статьи, и въ разные земскіе нижніе служенія, яко то: при Приказѣхъ въ Недѣльщики, въ Приставы и проч. Къ сей же статьѣ причислить слѣдуетъ и Патріаршихъ Дѣтей Боярскихъ, кои по всѣмъ ихъ правамъ равнялися съ ними.

Судя о произхожденіи сего мѣлкаго Дворянства, о удобности, съ которою всякой человѣкъ могъ приобрѣтать сіе званіе, о служеніяхъ и должностяхъ низкихъ, и можно сказать, подлыхъ, въ которыя ихъ опредѣляли и сами они добровольно входили, и что кромѣ помѣстьевъ никакими правами и преимуществами отъ простолюдиновъ они не отличалися; не можно, безъ нѣкотораго насилія себѣ, признать ихъ достойными названія, которое они носили, принимая оное въ разумѣ нынѣшняго употребленія. Но съ другой стороны уважая, первое, что и съ первоначалія въ число Городовыхъ Дворянъ вошли многіе изъ породъ древнихъ Дворянъ, бывшихъ въ службѣ Князей Мѣстныхъ; второе, что и послѣ многіеже изъ Московскаго

Дворянства, пришедши въ убожество и по другимъ разнымъ случаямъ низпадши изъ знатности своей, вошли въ Городовые Дворяне и Дѣти Боярскіе; и для того, по смѣшенію однихъ съ другими, не льзя не признать обоихъ за равныхъ членовъ единаго сословія. Время сіе разнствіе такъ загладило, что ниже слѣдовъ къ распознанію онаго не осталося. Сіе-то Дворянство подразумѣвалъ я, говоря: что „въ конюхахъ по большой части были Дворяне;„ а отнюдь не первостатейное, которое единственно достойно сего названія въ полномъ его разумѣніи, что ниже сего приводомъ свидѣтельствъ будетъ доказано. Первостатейное Дворянство великую разность имѣло отъ мѣлкаго, первое по чинамъ, кои были единственнымъ ихъ удѣломъ; второе, по многимъ правамъ преимущества и предпочтенія, которое во всѣхъ случаяхъ имъ отдавалося; даже и въ наказаніяхъ за преступленія отличаемы были они отъ мѣлкаго Дворянства, какъ явствуетъ въ Уложеньѣ; гл. X. ст. 5 и 20.

По семъ слѣдуютъ доказательства, что Дворовые Люди набиралися изъ мѣлкаго Дво-

рянства и имѣли у себя помѣстья и вотчины, и что Дворянинъ не по иному чему разумѣлся, какъ токмо по помѣстью; а во утвержденіе всего того ни на что другое ссылаться не буду кромѣ Уложенья, яко на такой документъ, которой и болѣе прочихъ вѣроятія достоинъ, и что всякому повѣрить предлагаемое мною будетъ сподручнѣе.

О Дворовыхъ Людяхъ упоминается во многихъ мѣстахъ Уложенья, яко гл. X. въ ст. 30, 91, 93, 124 и 125, а что рѣчь идетъ не о помѣщичьихъ Дворовыхъ Людяхъ, а о Царскихъ, то являетъ тоя же главы статья 92. Писаны они вездѣ наряду съ Городовымъ Дворянствомъ, ниже Жильцовъ, а выше Сотниковъ Стрѣлецкихъ и Подьячихъ. Въ какихъ же должностяхъ и служеніяхъ они находилися, о томъ именно означается тожъ главы въ статьѣ 95, и главы XIX. въ статьѣ 1, говоря о Дворовыхъ Людяхъ Патріаршихъ, которые никакого различія отъ Городовыхъ Дворянъ и Дворовыхъ Людей Царскихъ не имѣли, и всѣ тѣ должности назывались чинами, а что подъ именемъ Дворовыхъ Людей Царскихъ заключались всѣ Дворцовые нижніе

чины, то значится главы X. въ статьяхъ 124 и 125.

Что Дворовые Люди имѣли за собою не только помѣстья, раздаваемые на службу вмѣсто жалованья, но и вотчины, кои могли они продавать и въ наслѣдіе дѣтямъ своимъ оставлять, то доказываетъ гл. IX. ст. 7, гдѣ точно сказано: и „Дворовыхъ Людей въ „вотчинахъ и помѣстьяхъ.„ . . . . Изъ чего явственно есть, что они тѣ вотчины или отъ родителей своихъ въ наслѣдіе получили, или сами ихъ купили, а то и другое свидѣтельствуетъ, что они были Дворяне; ибо помѣстей въ вотчину покупать ниже имѣющимъ помѣстья, не только безпомѣстнымъ, сирѣчь непомѣщеннымъ въ сословіе Дворянъ, безъ Имяннаго Царскаго указа не дозволялося. Гл. XVII. ст. 8 и 9.

При росписаніи помѣстьевъ въ Московскомъ уѣздѣ по чинамъ, положены въ первой статьѣ: одинакіе помѣстья всѣмъ Думнымъ Людямъ; по нихъ во второй статьѣ: Стольникамъ, Стряпчимъ, Дворянамъ Московскимъ, Дьякомъ, Московскихъ стрѣльцовъ Головамъ; Степеннымъ и Путнымъ Ключникамъ; по сихъ въ третьей статьѣ:

Городовымъ Дворянамъ, кои по выбору служили въ Москвѣ; за ними въ четвертой статьѣ: одинакіе же помѣстья положены, Стремяннымъ конюхамъ и Московскихъ стрѣльцовъ Сотникамъ; потомъ въ пятой статьѣ положены помѣстья Дворовымъ Людямъ, Стряпчимъ, Сытникамъ Царицына чина, Дѣтямъ Боярскимъ. Улож. гл. XVI. ст. 1. тѣмъ доказывается: 1) Что во всѣ нижнія при Дворѣ должности и служенія опредѣлялися изъ Городовыхъ Дворянъ, ибо по слѣдующимъ словамъ тоя же статьи видно, что они и въ другихъ уѣздахъ, кромѣ Московскаго, имѣли помѣстья, по чему и сказано, говоря о нихъ, чтобъ имъ помѣстья въ Москвѣ давать противъ ихъ окладовъ помѣстныхъ по другимъ городамъ. 2) Что въ правахъ на владѣніе помѣстьями, Дворовые Люди отъ Городовыхъ Дворянъ, ни чемъ не униженны; слѣдственно, ежель позволяется сказать, что Дворовые Люди по помѣстьямъ не могли приобрѣтать достоинства Дворянскаго, то можно будетъ сказать, основываяся на тѣхъ же доводахъ, что и Городовые Дворяне не могутъ считаться въ Шляхетствѣ, понеже тѣхъ и другихъ

произхожденїе было одинаковое и права равные. Дѣти Боярскїе весьма меньше имѣли права войти въ сословїе Шляхетства, нежели Дворовые Люди, однакожъ вошли, и не по другому чему, какъ только по помѣстьямъ, сирѣчь по тому самому, чего Князь Щербатовъ не поставляетъ въ доводъ на притязанїе нижнимъ Дворцовымъ чинамъ Шляхетства.

Главы XVI. въ статьѣ 62 сказано: „А „за которыми Стольники и Стряпчими, за „Приказными и Дворовыми Людьми под-Мо„сковные помѣстья, и какъ тѣхъ помѣщи„ковъ не станетъ, а послѣ ихъ останутся „жены съ дѣтьми съ недоросльми; а иные „ихъ дѣти въ тѣ поры будутъ у Государя „въ житьѣ; и такїе помѣстья тѣхъ умер„шихъ за дѣтьми справливати.„ Изъ того выводится: 1) Что въ опредѣленїи изъ имѣнїя ихъ женамъ ихъ на прожитокъ и дѣтямъ ихъ въ наслѣдїе, никакого различїя отъ Дворянъ Московскихъ и Городовыхъ не учинено. 2) Что дѣти ихъ вступали въ Жильцы, коихъ Дворянство Улож. гл. IX. ст. 1 свидѣтельствуетъ; и такъ ежели бы конюхи, по мнѣнїю Князя Щербатова, и

не были Дворяне по помѣстьямъ, то по крайней мѣрѣ дѣти ихъ, вступая къ Государю на житье, дѣлалися уже Дворянами, и не по чему иному, какъ единственно по помѣстьямъ, полученнымъ ими въ наслѣдїе отъ родителей ихъ Конюховъ, Сытниковъ и тому подобныхъ нижнихъ чиновниковъ.

Всѣ духовные Власти, яко то: Патрїархъ, Митрополиты, Архїепископы и Епископы, принимали къ себѣ во услуженїе не только Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ, но и изъ простолюдиновъ, и опредѣляя ихъ въ число Дворовыхъ своихъ Людей, доставляли имъ тѣмъ право быть помѣщиками и вотчинниками наровнѣ съ Государевыми. Свидѣтельствуетъ сїе главы VIII. статья 36, гдѣ сказано, чтобъ изъ помѣстныхъ порожнихъ земель покупать себѣ въ вотчину тѣмъ только Дворовымъ Людямъ, которые „изстари природные Дѣти Боярскїе, а которые не служивыхъ отцовъ дѣти покупили „себѣ вотчины, и тѣхъ Дворовыхъ Людей „написати въ Государеву службу съ городы;„ а ежель кто изъ нихъ служить не хочетъ, у тѣхъ купленныя ими вотчины отписывать на Государя. Изъ того слѣдуетъ:

1) Когда въ Патріаршихъ и Епископскихъ Дворовыхъ Людяхъ были изстари природные Дѣти Боярскіе, то съ вящшимъ вѣроятіемъ можно заключить, что въ числѣ Дворовыхъ Людей Царскихъ были таковые. 2) Касательно и вступающихъ изъ простолюдиновъ въ Дворовые Люди ко Властямъ духовнымъ, и тѣхъ Дворянство тѣми же словами свидѣтельствуется, ибо хотя, прекращая злоупотребленіе, и запрещено впредь таковымъ покупать себѣ помѣстья въ вотчины, однакожъ изъ Шляхетскаго достоинства они не изключены, и такъ естьли вступленіемъ въ Дворовые Люди Патріарши или Митрополичьи приобрѣталося право на покупку деревень, то кольми паче вступленіемъ въ Дворовые Люди Царскіе. 3) И ежели бывшіе при духовныхъ Властяхъ Дворовые Люди входили въ сословіе Дворянъ единственно по помѣстьямъ и вотчинамъ, не имѣя никакого на то другаго права, яко и Дѣти Боярскіе, какое же сумнѣніе остается о Дворовыхъ Людяхъ Царскихъ, чтобъ они по тому же самому праву не сдѣлались Дворянами, хотябъ нѣкоторые изъ нихъ и изъ простолюдиновъ были взяты.

Главы XVII. изъ статьи 41 и гл. XX. изъ статьи 105 видится, что и Боярскіе Дворовые Люди и монастырскіе Служки прежде Уложенья покупали себѣ вотчины и имѣли у себя кабальныхъ холопей, по злоупотребленію вкрадшемуся въ царствованіе Царя Ивана Васильевича, унизившаго древнія права Дворянства распространеніемъ онаго и на другіе чиносостоянія; но въ 1636 году Указомъ то запрещено, что и Уложенья показанными статьями подтверждено. Изъ того явствуетъ: 1) Естьли бы Дворовые Люди Царскаго двора не считалися въ сословіи Дворянства, то бы и имъ также запретили покупать себѣ деревни, но таковаго запрещенія не бывало. 2) Ежели бы Дворовыхъ Людей служеніе признавалося низкимъ и неприличнымъ для Дворянина, то бы Дворянъ въ Дворовые Люди и не записывали, а тѣхъ, кои вошли въ сіе служеніе изъ простолюдиновъ, не сталибъ верстать помѣстнымъ окладомъ, а опредѣлялибъ имъ одно денежное и хлѣбное жалованье, яко Стрѣльцамъ и Козакамъ; тѣхъ же изъ нихъ, кои покупили себѣ вотчины, безъ сумнѣнія бы изъ Дворовыхъ Лю-

дей изключили, и велѣлибъ имъ служить по тѣмъ городамъ, гдѣ они вотчины себѣ купили, съ прочими того города Дворянами, яко о Дворовыхъ Людяхъ Патрïаршимъ, вошедшихъ изъ простолюдиновъ, главы XVII. въ статьѣ 36 сказано, и какъ тожъ главы въ статьѣ 67 о Рѣшоточныхъ Прикащикахъ узаконено, чтобъ имъ помѣстьевъ не давать, а тѣхъ, кои помѣстья имѣютъ, отъ сея должности отставить и велѣть имъ служба служить съ городомъ: но отнято и у сихъ *Дворянство*, за то, что они вошли въ должность и служенïе неприличное Дворянину, но велѣно только отъ оныя отставить.

Слѣдуютъ еще доводы о помѣстьяхъ. Что помѣстье не значило землю порожнюю, какъ Князь Щербатовъ заключаетъ, (единственно по тому, что помѣстные оклады означалися числомъ четвертей земли, а не числомъ дворовъ или душъ крестьянъ,) но жилую, то есть съ крестьянами, сïе доказываю Уложенья главы XVI. статьями 37, 38, 45, 46, 47 и 61, и гл. XVII. ст. 47. Давалижъ въ помѣстья и порожнïя земли, но не иначе какъ въ прибавокъ

къ прежнимъ помѣстьямъ жилымъ, или за недостаткомъ таковыхъ, какъ ясно показываетъ гл. XVI. ст. 39 и 40, и послѣдующія симъ. Обычай сей, чтобъ означать помѣстья числомъ четвертей земли, не просто былъ заведенъ, но по тому, что въ старину крестьяне были вольные, и слѣдовательно отдавать ихъ въ рабство было не можно; да и тогда, какъ имъ свободной переходъ запрещенъ быть сталъ, холопями они не сдѣланы, а по тому и не можно было ихъ отдать въ помѣстье или продать иначе, какъ съ тою землею, на которой они живутъ. Отдавая въ помѣстье землю, отдавалися вкупѣ съ нею и написанные на той землѣ по Писцовымъ книгамъ поселяне; но отнюдь не лично одни крестьяне, что можно было дѣлать съ одними холопями, и то только съ родовыми, а не съ кабальными; и для того запрещено было помѣщикамъ крестьянъ своихъ кабалить. Улож. гл. XX. ст. 113. О семъ говорилъ я обстоятельнѣе въ Примѣчаніяхъ моихъ Т. II. § LXXXVI. Тѣ, коимъ жаловалися въ помѣстья порожнія земли, заселять ихъ удобно могли, прежде пока воль-

ность крестьянъ не была ограничена, обѣщавъ чрезъ биричей, по находящимся по близости торжкамъ и ярмонкамъ, на нѣсколько лѣтъ для новопоселенныхъ льготы; когдажъ Указами, а наконецъ и Уложенья главы XI. статьею 3 привязаны стали быть крестьяня къ землѣ, тогда сїя удобность въ заселенїи порожнихъ земель совсемъ пресѣклась, и тѣ Дворяне и Дѣти Боярскїе, которые не успѣли до того запрещенїя порожнихъ помѣстьевъ своихъ заселить, осталися при одной землѣ, и послѣ всѣ сїи помѣщики безъ крестьянъ вошли въ сословїе Однодворцовъ.

Что помѣстье было единственнымъ знакомъ Дворянскаго достоинства, слѣдуютъ доказательства въ прибавокъ къ сказаннымъ. Дворяне ведущїе родъ свой отъ Дѣтей Боярскихъ, и отъ тѣхъ, кои изъ низкихъ званїй разными случаями и способами вошли въ сословїе Дворянъ, начавъ отъ царствованїя Царя Ивана Васильевича, инаго доказательства, о Шляхетствѣ своихъ предковъ, представить не могутъ, кромѣ того, что имѣли они помѣстья, и что по тѣмъ помѣстьямъ написаны были въ Десятинной

книгѣ съ прочими того города Дворянами, въ коемъ тѣ помѣстья имъ были даны; а такихъ Дворянъ у насъ большая часть.

О пожалованіи въ Дѣти Боярскіе, которые по мнѣнію Князя Щербатова тѣжъ благородные были, приведу я одинъ примѣръ изъ многихъ находящихся въ Розрядныхъ книгахъ: въ 1590 году Царь Ѳеодоръ Ивановичь пожаловалъ Елецкому казаку Софонькѣ Давыдову; за то что онъ скоро пріѣхалъ съ вѣстью о Крымскихъ Татарахъ, платье, деньгами пять рублей, да приказалъ ему быть на Ельцѣ въ Дѣтѣхъ Боярскихъ, сирѣчь повелѣлъ его поверстать помѣстнымъ окладомъ съ Дѣтьми Боярскими того города; изъ чего явственно, что пожалованіе въ Дѣти Боярскіе состояло единственно въ дачѣ помѣстья. Таковыхъ новопомѣстныхъ вносили въ Дворянской списокъ того города, гдѣ имъ пожалованы помѣстья, и возлагали на нихъ обязанность Дворянскую, то есть наряжали съ прочими того города Дворянами на службу.

Лишенные помѣстей за какое либо важное преступленіе, изключалися изъ Дворянскаго сословія, какъ явствуетъ Уложенья

гл. VI. ст. 8; и сіи лишенные Дворянства чрезъ отнятіе помѣстья, такъ равнымъ образомъ и безпомѣстные сирѣчь Дворянскіе Дѣти окладомъ помѣстнымъ не верстанные, принуждены были входить въ другіе званія и служенія, дабы имѣть пропитаніе, яко то въ Стрѣльцы, Козаки и даже въ Холопи, какъ явствуетъ гл. XX ст. 1, 2 и 3.

Дворянъ не имѣющихъ помѣстьевъ и слѣдственно не состоящихъ въ ратной службѣ, равно какъ простолюдиновъ, въ случаѣ несостоянія платить долги, отдавали заимодавцамъ головою, гл. X. ст. 264; и могъ истецъ съ выданнымъ ему головою поступать какъ съ своимъ рабомъ, и только отвѣчалъ, ежели до смерти его убьетъ, гл. X. ст. 265, 266 и 268. Но тѣхъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ, кои имѣли помѣстья, выдавать головою было запрещено, ст. 204. Также и за искупленіе съ правежа, кто дастъ на себя обязательство кому въ вѣчное холопство, не упомянуто, чтобъ Дворянъ изключать, гл. XX. ст. 40 и 46. Доказательство есть, что все достоинство Дворянина состояло единственно въ его помѣстьѣ, котораго лишась, лишался вкупѣ

съ нимъ и Дворянскаго достоинства, и всѣхъ правъ и преимуществъ, кои отличили его отъ простолюдина.

Князь Щербатовъ, желая лишить Дворянства Дворовыхъ людей, говоритъ, что помѣстные оклады не были знакомъ Дворянства, и давались вмѣсто жалованья, и приводитъ на то въ примѣръ Козаковъ, кои также землю и хутора имѣютъ, но Дворянами чрезъ то не становятся. Противное сему доказать, не читавъ Розрядныхъ и Десятинныхъ книгъ, однимъ только Уложеньемъ можно. Тамъ во многихъ мѣстахъ, говоря о ратныхъ людяхъ, ясно означается разность между ними во всемъ, 1) что Стрѣльцы и Козаки, въ отличїе отъ ратныхъ людей помѣстныхъ сирѣчь Дворянъ, назывался кормовыми и безпомѣстными; 2) что Дворяне жили въ своихъ помѣстьяхъ, а Стрѣльцы и Козаки по городамъ, и сверхъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья, даваны были имъ Указы о торговлѣ въ своемъ городѣ безпошлинно на нѣкоторую опредѣленную сумму, также и право питья про себя варить; 3) и хотя нѣкоторымъ изъ нихъ и земли близь города отведены

были, но всѣмъ вообще, а не каждому особенно, и не на другомъ правѣ, на какомъ имѣютъ ихъ нынѣ всѣ государственные крестьяне, и земли тѣ числилися и назывались Государевыми, какъ точно въ Уложенїи гл. XVIII. въ статьѣ 51 сказано. И то также Князь Щербатовъ говоритъ несправедливо, яко бы жалованье производилося однимъ только безпомѣстнымъ, ибо являетъ противное тому Уложенья гл. X. ст. 83, 91 и 93, гдѣ говоря о взысканїи пени за безчестїе Боярамъ, Дворянамъ и Дѣтямъ Боярскимъ, велитъ взыскивать оную противъ ихъ денежнаго жалованья. Еще два доказательства на сїе слѣдуютъ изъ Розрядныхъ книгъ: 1) Въ лѣто 1581, билъ челомъ Государю Князь Дмитрїй Хворостинъ Окольничїй на Ѳому Бутурлина въ отечествѣ, что ему быть въ товарищахъ ему невмѣстно, и по суду первой обвиненъ и посаженъ на недѣлю въ тюрму, да съ негожъ велѣно взыскати безчестья Бутурлину, противъ его жалованья, 150 рублей. 2) Въ 1580 году посланъ былъ въ Новгородъ въ Вотскую Пятину нарочной отъ Государя, у котораго въ наказѣ написано:

„Памяшь Михаилѣ Ивановичу Внукову, ве-
„лѣлъ ему Государь Царь и Великій Князь
„ѣхашь въ Вотскую Пяшину, збирати на
„Государеву службу Дѣшей Боярскихъ во
„Псковъ . . . . А Дѣтямъ Боярскимъ гово-
„ришь, чтобъ они одноличио шли на слу-
„жбу во Псковъ безъ ослушанія, а Госуда-
„рево денежное жалованье будешъ имъ сполна
„во Псковѣ. . . . .„ Могъ бы я показашь какіе
чины и въ какихъ случаяхъ жалованье по-
лучали, и какіе и когда не получали, но
настоящая предлежность такой подробности
отъ меня не требуетъ.

Изъ всего вышеписаннаго ясно: 1) Что
нижнихъ степеней Дворяне единымъ толь-
ко помѣстьемъ отличалися отъ Стрѣльцовъ
и Козаковъ, и что лишась помѣстьевъ вхо-
дили они въ званіе простолюдиновъ, не иначе
какъ и Стрѣлецъ выключенный изъ службы.
2) Что и имѣющіе помѣстья никакихъ правъ
и преимуществъ, коими нынѣ Шляхетство
пользуется и отличается, не имѣли и не
знали; опредѣляли ихъ въ должности самыя
низкія и подлыя; сѣкли батожьемъ и кну-
томъ, за такія вины, за какія нынѣ и от-
даніе на нѣсколько дней подъ стражу на-

звали бы неумѣренною строгостїю. 3) Что простолюдины могли удобно приобрѣтать право дѣлаться Помѣщиками и Вотчинниками, и входить въ сословїе Дворянъ способами вышесказанными. 4) Что и первостатейное Дворянство, происходящее отъ Княжескихъ и Боярскихъ породъ, не степенїю родоваго достоинства отличалося отъ мѣлкаго Дворянства, но токмо чинами и богатствомъ; пришедшїежъ изъ нихъ въ убожество и не имѣвшїе чиновъ входили въ состоянїе нижнихъ степеней, и употреблялися въ *должности* и *служенїя* наровнѣ съ ними. Послѣ всего сказаннаго, можно-ль дивиться, что мѣлкое Дворянство были въ конюхахъ Царскихъ, когда они и въ холопи первостепеннаго Дворянства добровольно входили. Неизвѣстны были предкамъ нашимъ тѣ права и преимущества родовые, каковыми Дворянство во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ пользуется: одолжены мы тѣмъ настоящему царствованїю, что сдѣлалися прямыми Дворянами.

Ежели не довольно покажется Сочинителю письма всего сказаннаго, для увѣренїя себя, что въ конюхахъ были Дворяне,

то предлагаю при семъ доказательство другаго рода, не менѣе выше приведенныхъ удостовѣрительное, которое ясно ему покажетъ, что не только при Петрѣ Великомъ, но гораздо послѣ, и даже въ царствованїе тоя, по благости которыя узнали мы, что есть Дворянинъ, и что суть его права, были въ конюхахъ Дворяне и находятся еще по нынѣ. По справкѣ въ Придворной Конюшенной Канторѣ оказалось, что въ царствованїе блаженныя памяти Императрицы Елисаветы Петровны находилися въ Конюшенной службѣ изъ Дворянъ слѣдующїе: 1) Форрейтеръ Михайло Юкечевъ, испомѣщенъ Выборгскаго уѣзда въ Растуновскомъ стану въ селѣ Даниловѣ. Стряпчїе конюха: 2) Иванъ Марковъ, испомѣщенъ Звенигородскаго уѣзда въ Угожевскомъ стану, въ сельцѣ Скугоровѣ; 3) Максимъ Грецовъ, Крапивинскаго уѣзда въ Кварницкомъ стану, въ деревнѣ Татаринковѣ; 4) Иванъ Проселковъ, тогожъ уѣзда въ Товскомъ стану, въ селѣ Костомаровѣ; 5) Борисъ Сабанчевъ, Боровскаго уѣзда въ Епрейскомъ стану, въ сельцѣ Карповскомъ; 6) Ермолай Гозинъ, Коломенскаго уѣзда въ Камаровскомъ стану, въ сельцѣ Бабуринѣ.

Нынѣ дѣйствительно находятся въ службѣ: Стремянные, 1) Иванъ Рудневъ, и 2) Петръ Зарембской; стряпчїе: 3) Андрей Зарембской, 4) Иванъ Трубинковъ, и 5) Ефимъ Таишевъ. . . . . Я никакъ не чаю, чтобъ Сочинитель письма восхотѣлъ, естьли бы и могъ, отнять Дворянство у сихъ стремянныхъ и стряпчихъ конюховъ, Конюшенною Канторою за дѣйствительныхъ Дворянъ признаваемыхъ, единственно только для того, чтобъ въ напрасномъ меня охуленїи не быть принужденнымъ признаться.

Послѣ сихъ ощутительныхъ доказательствъ, не будетъ ли Сочинитель письма сожалѣть, что не употребя время и вниманїя на разсмотрѣнїе сказалъ толь утвердительно, яко бы Дворяне и Дѣти Боярскїе никогда въ конюхахъ не бывали; не совѣстно ль будетъ ему, что столь скоропостижно послѣдовалъ внушенїю гнѣва, тѣмъ паче напраснаго на меня, и такую насмѣхательную сдѣлалъ мнѣ укоризну, будто бы я, браня Леклерка, пожаловалъ Дворянъ въ конюхи, а еще болѣе, думаю, будетъ ему совѣстно, что я на сїю его укоризну не другимъ чѣмъ отвѣтствую, какъ токмо дока-

зательствомъ, что мои слова суть истинны, и слѣдовательно укоризны таковыя я не заслуживалъ.

Чтожъ между прочїимъ пишетъ онъ къ своему Прїятелю: „много бы можно, государь мой, писать на все то, что о Дворянствѣ въ семъ трудѣ (сирѣчь въ Примѣчанїяхъ моихъ на Леклерка,) сказано, но я „сокращусь и проч.„ Давая чрезъ сїи слова подразумѣвать Читателю, что много онъ примѣтилъ ошибокъ моихъ, касательно сей предлежности, но, или снисходя невѣжеству моему или не хотя тратить время въ оговариванїи оныхъ, оставляетъ ихъ въ молчанїи. Однакожъ основательную причину я имѣю иначе о семъ думать, а именно, что не только многое, но и малое, естьлибъ можно было что ниесть сказать въ укоризну мнѣ, не былобъ оставлено въ молчанїи, когда вижу, что и чужїе слова мнѣ приписываются, мои толкуются въ превратномъ смыслѣ, и истинное за ложное, яко на позорище съ торжествомъ выводится. Едва ли бы не съ вящшимъ основанїемъ могъ я сказать: много бы можно было возразить на все то, что въ охуленїе мнѣ въ письмѣ

ономъ сказано, но я удовлетворюся написаннымъ, щадя время.

§ XX.

Приведенное мною бытїе изъ Татищевой Исторїи, въ которомъ между прочїимъ описуется о вечѣ бывшей въ Кїевѣ, Князь Щербатовъ находитъ страннымъ и смѣшнымъ; „вотъ, говоритъ, воистинну прекрасное опи„санїе, и толь обстоятельное, что естьли „бы сочинитель былъ очевидный свидѣтель „всего произхожденїя, или бы былъ цере„монїймейстеръ вечи, обстоятельнѣе бы она„го сдѣлать не могъ.„ стр. 134. Описанїе оныя вечи не я сдѣлалъ, а Татищевъ, и ежели кажется оно Князю Щербатову забавнымъ, то за сїи минуты увеселенїя не мнѣ онъ обязанъ, а ему; однакожъ не уповаю, чтобъ кто другой на счетъ сего почтеннаго мужа, читая сїе его описанїе, сталъ издѣваться, ибо ничего въ немъ нѣтъ ни смѣха, ни охуленїя заслуживающаго. Чтожъ подало причину признать Князю Щербатову описанїе сїе нестаточнымъ? Что въ имѣющихся у него лѣтописяхъ онаго нѣтъ; однакожъ, чтобъ не могло оно быть

въ другихъ, того не отрицаетъ: „я не со-
„мнѣваюсь, говоритъ, что бы Г. Татищевъ
„не имѣлъ древніе Лѣтописцы, которые его
„въ семъ руководствовали.„ Когдажъ нѣтъ
сумнѣнія о вѣроятности повѣствуемаго, то
нѣтъ причины и къ охуленію онаго, тѣмъ
паче къ насмѣхательному восклицанію.

Не съ тѣмъ я привелъ сіе мѣсто изъ Татищевой Исторіи, чтобъ хотѣлъ показать какіе обряды наблюдалися на общенародныхъ древнихъ вечахъ, а съ тѣмъ, чтобъ доказать тѣмъ бытіемъ о вольности Рускаго народа. Нѣтъ мнѣ нужды въ томъ, на конѣхъ или пѣшіе собирались на вечу, и такъ ли дѣло происходило въ самой вещи, какъ описалъ его Татищевъ, но въ томъ мнѣ была надобность, чтобъ Историческими бытіями уличить Леклерка, клевещущаго, яко бы народъ Руской издревле былъ въ невольничествѣ, и признавалъ всегда рабство за естественное свое состояніе; и чтобъ напротивъ доказать, что „власть
„Великихъ и Мѣстныхъ Князей была умѣ-
„рена или срастворена властію Вельможъ
„и Народа, то есть, что Великіе Князья
„власть имѣли не Деспотическую; что На-

„родъ имѣлъ соучастіе съ Вельможами въ „правленіи, и могъ на сеймахъ своихъ опре- „дѣлять многое; что опредѣленія Народа „были важны и сильны; и что въ обще- „народныхъ собраніяхъ всякой Гражданинъ „имѣлъ право подавать свой голосъ, и проч.„ Сіи суть самые тѣ мои слова, которые по- ложилъ я въ предметъ приведенныхъ мною свидѣтельствъ. И ежели свидѣтельства оные покажутся кому слабы или недостаточны для доказательства на все сказанное мною, то я могу представить еще множество дру- гихъ подобныхъ или еще и сильнѣйшихъ. На примѣръ: когда Владимирцы, видя худое управленіе и тяготу себѣ отъ Князей Ро- стиславичевъ, возроптали, говоря: „Мы есьмо „вольніи, а Князей пріяли къ себѣ, и крестъ „цѣловали къ намъ во всемъ, а се аки не „свою волость творяще грабятъ; а! про- „мышляйте братья.„ Несторъ стран. 258. Вотъ наша древняя pacta conventa, которую Леклеркъ хотѣлъ уничтожить. Не ясно ли слова сіи являютъ, что Князья, вступая на престолъ, присягали Народу, чтобъ правъ и вольности его не нарушати, а Народъ присягалъ Князю, чтобъ служить ему вѣрно

и повиноваться во всѣхъ его законныхъ повелѣнiяхъ, и проч. Слѣдственно я не погрѣшилъ отнюдь, ни тогда, ни теперь, въ избранiи свидѣтельствъ на утверждаемую мною вольность Рускаго народа; и вся моя вина состоитъ въ томъ предъ Княземъ Щербатовымъ, что я свидѣтельства на то взялъ изъ Исторiи Татищевой, а не изъ его; но въ семъ ни онъ не имѣетъ права требовать отъ меня отчета, ни я обязанности извиняться предъ нимъ.

§ XXI.

Крайнее прискорбiе причинилъ я Князю Щербатову написавъ: „недостаетъ по нынѣ „у насъ полной хорошей Исторiи„ и проч.; которое скрывая въ нѣдрахъ сердца своего, говоритъ: „Безъ всякаго озлобленiя хулу сiю „на себя, раздѣляя ея вмѣстѣ съ Г. Ломоносо- „вымъ и Татищевымъ, прiемлю„ и проч. Потомъ признаваясь, по смиреномудрiю, что и самъ онъ будучи своею Исторiею „во мно- „гомъ весьма недоволенъ, пишетъ ея болѣе „для собственнаго своего удовольствiя, дабы „чрезъ оную научиться познать состоянiе „Россiи. . . . . Нѣсть въ ней, продолжаетъ

„говоришь, краснорѣчїя, находится можетъ „статься во многомъ темнота, индѣ из„лишняя долгота въ разсказанїи приключе„нїй, индѣ и недостатокъ связи„ и проч.

Отвѣчаю: Не погрѣшилъ я противу справедливости, сказавъ, что нѣтъ у насъ по нынѣ полной хорошей Исторїи, и не оскорбилъ тѣмъ ни мало памяти достопочтенныхъ моихъ согражданъ Ломоносова и Татищева. Я увѣренъ, что и сами бы они тѣхъ словъ моихъ за оскорбленїе себѣ не приняли, ибо не сказалъ я, что нѣтъ у насъ никакой хорошей Исторїи, но нѣтъ полной, каковою ни Ломоносова, ни Татищева назваться не можетъ; тѣмъ менѣе послѣдняго, которая не иное что есть какъ Лѣтопись Несторова и продолжителей его, безъ всякой перемѣны, но токмо исправленная, пополненная изъ разныхъ списковъ, и примѣчанїями обогащенная. Онъ самъ не назвалъ ея Исторїею, но Лѣтописью Нестора черноризца, и слѣдуя во всемъ ему изъ слова въ слово, не изключилъ даже и тѣхъ мѣстъ, гдѣ Несторъ и Силвестръ о себѣ говорили, яко тома втораго на страницахъ 142, 214 и 218. Тожъ можно сказашь

и о Исторіи Князя Щербатова, которая и по нынѣ еще имъ не окончана, слѣдовательно и полною назваться не можетъ: конецъ дѣло увѣнчаетъ. И такъ доказательна есть истинна словъ моихъ, что по нынѣ у насъ полной хорошей Исторіи недостаетъ. Касательножъ качествъ Исторіи его, онъ самъ оныя безпристрастною оживописалъ кистью, и мнѣ не остается ничего къ тому прибавить.

Не могу умолчать однако, чтобъ не отдать справедливости неутомимому нашему Историку, въ разсужденіи подъятыхъ имъ великихъ трудовъ, каковыхъ требовалося къ написанію столькихъ томовъ, составляющихъ по нынѣ поболѣе 4000 страницъ, чѣмъ по истиннѣ доказалъ онъ усердіе свое къ пользѣ отечества, „поелику „сила его достигать можетъ, какъ самъ „онъ изъясняется. Но не видно, чтобъ въ „намѣреніи своемъ, состоящемъ въ томъ „единственно, чтобъ писавъ Исторію на„учиться познать состояніе Россіи,„ по нынѣ онъ стяжалъ желаемый успѣхъ; и сожалѣтельно, что такое намѣреніе не ранѣе онъ принялъ нежели началъ ея писать,

ибо, занятъ будучи толь многими трудами, едва ли достанетъ время на сїе нужное для пишущаго Исторїю, познанїе. Въ недостаткѣжъ онаго позволительно усумниться о исправности пишемаго имъ, ибо дѣянїя Историческїе весьма тѣсно сопряжены съ познанїемъ той страны, въ которой они произходили; равнымъ образомъ и то подвержено сумнѣнїю, чтобъ Исторїя такая, которыя Сочинитель не имѣлъ онаго познанїя, могла послужить помощїю для тѣхъ, кои впредь Исторїю нашего отечества писать предпрїимутъ.

§ XXII.

Окончивъ отвѣты мои на оправданїя, порицанїя и укоризны мнѣ отъ Князя Щербатова Свѣту изъявленныя, должностїю своею поставляю увѣрить его и Публику, наиубѣдительнѣйшими доказательствами, что я писавъ Примѣчанїя мои на Леклерка, отнюдь его не подразумѣвалъ, и ни малѣйшаго намѣренїя не имѣлъ обнаруживать погрѣшности и недостатки въ Исторїи его находящїеся. Доказываю сїе тѣмъ, что естьли бы я подлинно имѣлъ желанїе такое, то бы

не удовольствовался показанїемъ тѣхъ только погрѣшностей, которыя заставили заблуждать Левека, а по отраженїю и Леклерка, но выставилъ бы на показъ тьмы другихъ важнѣйшихъ оныхъ, и кои я давно, къ не малому удивленїю моему примѣтилъ; однакожъ по нынѣ ихъ не обнаруживалъ, единственно для того, чтобъ не оскорбить человѣка, котораго я въ лице не знаю, ибо по пословицѣ Ишпанской la verdal es verde, то есть, правда кисла. А дабы не сочтены были слова мои выговоренными единственно по тщеславїю, желая похвастаться тѣмъ, яко бы и я въ состоянїи былъ усматривать погрѣшности и устраненїя отъ истинны Князя Щербатова, яко человѣка превосходнѣйшаго въ семъ знанїи; то принужденнымъ теперь нахожуся, по истиннѣ не для охуленїя его, но токмо для оправданїя себя, показать изъ оныхъ малую часть.

1. Въ Предисловїи на страницѣ второй за достовѣрное нашъ Историкъ представляетъ, что Руссы прежде крещенїя были народъ кочевной, а хотя и имѣли города, но оные были „яко пристанищи, а въ прочемъ народъ, а особливо знатнѣйшїе люди,

„упражнялся въ войнѣ и набѣгахъ, по боль-
„шой части въ поляхъ, переходя съ мѣста
„на мѣсто, жилъ, яко сіе видно по описанію
„обычая Святослава.„

Чтобъ Руссы были кочевнымъ народомъ, о томъ Исторія памяти намъ не оставила; напротивъ всѣ Писатели вообще, какъ свои, такъ и чужестранные, представляютъ ихъ обитающихъ въ жилищахъ неподвижныхъ, имѣющихъ города, законы, торговлю, мореплаваніе, свойственные тогдашнему вѣку. Писалъ я о семъ въ Примѣчаніяхъ моихъ на Леклерка, томъ I. *стр.* 72, 76, 241; и томъ II. § XLVI, XLVIII и XLIX. Святославъ, приобучившій собственнымъ примѣромъ войско свое къ пренесенію военныхъ трудовъ; употребляя суровую пищу и снося безпокойства погоды безъ покрова и постели, не служитъ доказательствомъ на образъ жизни домашнія тогдашняго времени Руссовъ, яко и Карла XII. собственное поведеніе весьма подобное Святославлю, на жизнь и нравы Шведовъ.

2. Во введеніи на стр. 14, описывая о Скифахъ, говоритъ: „что касается до ихъ „Вѣры, то не токмо по Греческимъ Писа-

„шелямъ, но и по нашимъ Лѣтописцамъ по-
„длинно извѣстно, что они до времени Влади-
„мирова были идолопоклонники. Кумиры
„ихъ были слѣдующїе: Юпитеръ, которому
„поклонялися они надъ Буричевымъ пото-
„комъ. . . . Но по многихъ вѣкахъ послѣ,
„то есть въ царствованїе Великаго Князя
„Владимира, является; что они число идо-
„ловъ своихъ приумножили, ибо окромѣ выше-
„помянутаго нами Юпитера или Перуна,
„мы обрѣтаемъ Волоса, Подвиза или Похви-
„ста, Ладо, Купала, Коляда и проч „

Наши Лѣтописи отнюдь не пишутъ о богослуженїи Скифовъ, и не уповательно, чтобъ и въ Греческихъ Писателяхъ нашлося, что они въ сказанное время жили на брегахъ Днепра, гдѣ нынѣ Кїевъ, и чтобъ кумиръ ихъ Попеусъ поставленъ былъ когда либо надъ Буричевымъ потокомъ. Не сыщется также засвидѣтельствованїя и на то, чтобъ у Скифовъ были боги Перунъ, Волосъ, Позвиздъ, Ладо, Купало, Колядо и проч. Скифъ живущихъ на брегахъ Днепра надобно искать за многїе столѣтїя до Владимира и до существованїя имени Буричева потока, котораго мѣстоположенїе не только

Греческимъ Писателямъ, но едва ли и Князю Щербатову извѣстно. Божковъ сказанныхъ надобно изъ разныхъ странъ и отъ различныхъ народовъ свозить, яко то отъ Римлянъ, отъ Славянъ, отъ Сарматъ, что кажется не нужно, понеже сего товара у всѣхъ было со избыткомъ.

3. На стр. 82 называетъ Азовское море болотомъ, что Гунны и Готфы живучи на супротивныхъ берегахъ его не имѣли никакого знанія одни о другихъ; „понеже сіе болото „весьма глубокимъ моремъ почитали.„

Ежели Гунны и Готфы думали, что Азовское море глубоко, въ томъ они подлинно ошибалися, а что они его моремъ признавали, въ томъ имѣли справедливость. Отъ Кроншпата до Петербурга очень мѣлко, однакожъ ни кто сея части моря болотомъ не называетъ, а по Азовскому морю такой же величины суда и по нынѣ ходятъ, какіе и къ Петербургскому Порту.

4. „Угры пришедъ отъ страны Восточ„ной Кіева, мимо сего города проходя, шли „чрезъ горы, которыя по ихъ имени на„звалися Угорскія, и потомъ покорили Сла„вянъ, Волоховъ и Волынцовъ.„ стр. 200.

Въ сей рѣчи множество ошибокъ, превратившихъ и затмившихъ подлинной смыслъ нашихъ Лѣтописей. Въ нихъ написано, что Угры идучи мимо Кїева горою, которая послѣ называлася урочищемъ Угорскимъ, имѣли на ней свой станъ, и отъ Кїева пошли къ тѣмъ великимъ горамъ, которыя прозваны Угорскими, а перешедъ ихъ напали на живущихъ тамъ Римлянъ и Славянъ, изъ коихъ послѣднїе были въ подданствѣ у первыхъ; прогнавши же Римлянъ и покоривши Славянъ, тутъ осталися. Князь Щербатовъ не вникнувъ въ смыслъ сихъ словъ, а паче обманувшись сходствомъ названїй, урочище Угорское пропустилъ, а горы Угорскїя перенесъ къ самому Кїеву. Надобно знать, что урочище Угорское, при которомъ и Олегъ приплывъ къ Кїеву, остановился, состоитъ повыше нѣсколько предмѣстїя Кїевскаго называемаго Подолъ, и не иное что есть какъ высокїй берегъ Днепра, равный и гладкїй, а къ рѣкѣ крутымъ утесомъ окончевающїйся; горыжъ названныя здѣсь Угорскими, суть тѣ, кои нынѣ подъ названїемъ Карпатскихъ извѣстны. Касательно покоренїяУграми Волынцовъ, о томъ ни по-

хожаго ни гдѣ не воспоминается, да и съ обстоятельствами Угровъ шествія, завоеваній и поселенія никакъ сіе не согласуетъ.

5. „Владимиръ отлучился въ Новгородъ „съ лучшими войсками, дабы оттуда внутрь „Печенѣжской земли позорище войны перенести; тогда Печенѣги узнавъ Владимирово отсутствіе, съ другой стороны вошедъ въ Россію, осадили вновь построенный Бѣлгородъ.„ стр. 281.

Надобно прежде сказать, что Печенѣги жили сперва на Дону, а послѣ за Днепръ перешедъ, отъ устья его далеко въ верьхъ кочевья свои простирали; Бѣлгородъ же отстоитъ отъ Кіева, помнится мнѣ, не болѣе какъ верстъ пятнадцать или двадцать, и нынѣ составляя село, называется Бѣлгородка. Теперь обратимся къ словамъ Князя Щербатова: правда, что въ печатной Несторовой и нѣкоторыхъ рукописныхъ Лѣтописяхъ написано, что Владимиръ пошелъ въ Новгородъ на Печенѣгъ, но кто хотя слегка о географіи имѣетъ понятіе, тотъ тотчасъ увидитъ, что то описка, и что вмѣсто Печенѣгъ надобно поставить Чудь, что Татищевъ и учинилъ. Но Князь Щербатовъ

не представя въ умѣ своемъ мѣстоположеній Новагорода, Печенѣгъ и Бѣлагорода, а желая краткія слова Несторовы пораспространить и поукрасить, въ вящшее заблужденіе впалъ, сказавъ, что Владимиръ пошелъ въ Новгородъ съ тѣмъ, „чтобъ позорище войны внутрь Печенѣжскія земли „перенесть;„ и что въ самое то время, какъ Владимиръ отъ стороны Новагорода на нихъ напалъ, они „съ другой стороны вошедъ въ „Россію, осадили Бѣлгородъ„ состоящій, какъ выше сказано, подлѣ Кіева. Ежели угодно будетъ Читателю взглянуть на карту, или представя въ умѣ своемъ мѣстоположенія Новагорода, Кіева и Бѣлагорода, сообразить оныя съ прописаннымъ нападеніемъ Печенѣгъ на послѣдній городъ, въ самое то время, какъ Владимиръ внутрь земли ихъ войска ввелъ, то совершенно удостовѣрится о маломъ вниманіи Князя Щербатова въ разборѣ и разсмотрѣніи имъ писаннаго, даже и въ вещахъ толико удобныхъ къ разсмотрѣнію. Однако я не употреблю при семъ случаѣ никакихъ насмѣхательныхъ восклицаній, хотя бы оны теперь и къ статѣ пришлися.

6. Непосредственно послѣ оставленія Печенѣгами Бѣлгородской осады, Князь Щербатовъ пишетъ: „Сія миновавшая опасность „еще прежде возвращенія Владимирова, который былъ тогда въ Переяславцѣ на Дунаѣ, „вскорѣ послѣдуема была другою, то есть, „что Володарь Князь Половецкій пришелъ „на Россію съ Половцами„ и проч. стр. 283.

Здѣсь еще болѣе погрѣшностей нежели въ прешедшей рѣчи. Походъ Владимировъ на Чудь былъ въ 995 по Нестору, въ 996 по Исторіи Князя Щербатова, а въ 997 году по Татищевой; чрезъ три или четыре года, по возвращеніи его оттуда, пошелъ онъ на Болгаръ Дунайскихъ, и взялъ Переяславецъ; во времяжъ его тамъ пребыванія, нѣкто Володарь, котораго ни порода, ни состояніе въ Лѣтописяхъ не означены, привелъ къ Кіеву Печенѣгъ и осадилъ Кіевъ, въ надѣяніи, въ отсутствіе Владимирово его взять: однакожъ Кіевляня, подъ предводительствомъ храбраго Александра Поповича, сдѣлавъ ночью сильную вылазку изъ града, и напавъ нечаянно на Печенѣгъ, многихъ изъ нихъ побили, въ томъ числѣ и Володаря съ братомъ, и принудили ихъ осаду оставить. Князь

Щербатовъ не сказавъ ни слова, когда Владиміръ изъ Новагорода возвратился, ниже о предпріятой имъ войнѣ на Болгаръ, вдругъ и непосредственно переноситъ его изъ Новагорода въ Переяславецъ на Дунай. Мняжъ закрыть свою ошибку, чтобъ положивъ прежде Печенѣгъ подлѣ Новагорода, вскорѣ потомъ не показать ихъ облежащими Кіевъ, вмѣсто ихъ Половцовъ, которыхъ тогда и имя не было еще извѣстно, въ Россію съ Володаремъ приводитъ, и самаго Володаря называетъ Княземъ Половецкимъ, чего въ Лѣтописяхъ нѣтъ. Объ осадѣ имъ Кіева молчитъ, а говоритъ только „пришелъ на Россію „съ Половцами„ оставляя Читателю самому опредѣлить, съ которой стороны Половцы пришли, и на которую область напали. Однакожъ, говоритъ, „нѣкто храбрый мужъ, „именуемый Поповичь, вышедъ ночью противъ ихъ съ малымъ числомъ людей, не „токмо самаго Володаря убилъ, но и воинство „ихъ разогналъ.„ Но откуда сей Поповичь съ войскомъ вышелъ, изъ города-ль какого, или изъ лѣсу, или изъ за горъ, того не сказываетъ, а хочетъ, чтобъ Читатель доволенъ былъ тѣмъ только, что Поповичь вышелъ

ночью. Разные бытія, нѣсколькими годами раздѣленные, соединилъ подъ одно время, Владимира мгновенно перенесъ изъ Новагорода на Дунай, Печенѣгъ переименовалъ въ Половцы, Володаря учинилъ ихъ Княземъ, храбраго Поповича изъ Кіева завелъ въ неизвѣстное мѣсто, и проч.

7. Что Владимиръ предпріявшій войною идти противъ ослушнаго своего сына, не отправившися еще въ походъ, занемогъ и умеръ въ Кіевѣ, и что Князь Щербатовъ написалъ противное сему несогласно съ Лѣтописями, и тѣмъ ввелъ въ заблужденіе другихъ, кои ему повѣрили, писалъ я выше въ § VI. Здѣсь же замѣчу еще маленькую его погрѣшность: говоритъ онъ, что по отшествіи Владимировомъ съ сыномъ своимъ Борисомъ въ походъ; оставался „въ Кіевѣ „правителемъ Святополкъ „ стр. 288, что противно есть всѣмъ обстоятельствамъ и собственнымъ его рѣчамъ. Нынѣ въ письмѣ своемъ стр. 47, позабывъ, что писалъ прежде въ своей Исторіи, обращается къ истиннѣ, и самъ себя въ неосновательности прежняго своего сказанія изобличаетъ, говоря: „Владимиръ бывъ слабъ, не упова-

„тельно, что бы призвалъ Святополка для „управленія Кіева въ отсутствіе свое, ко-„торому никогда не хотѣлъ свой престолъ „оставить. „ . . . . Кто пишетъ безъ пред-начертанія, безъ правилъ, тотъ удобно впадать можетъ въ противорѣчія самому себѣ.

8. Описуя карактиръ и образъ поведенія Святославля, пишетъ, что онъ конину и „па-„даль поджаривъ на угольяхъ„ ѣдалъ стр. 225.

Несторъ изображая его трудолюбіе, воздержаніе, и къ пренесенію военныхъ подвиговъ способность и привычку, пишетъ, что онъ, будучи въ походахъ, возовъ при себѣ не имѣлъ, ни мяса въ котлѣ не варилъ; но изрѣзавъ ломотками конину, звѣрину или говядину, и на углахъ испекши, тѣмъ довольствовался; но подъ словомъ конина или звѣрина, сирѣчь дичина не разумѣется и падаль. Что конину Руссы Язычники ѣли, есть вѣроятно; многіе народы Магометане и Язычники поднесь конину ѣдятъ, но не ѣдятъ падали. Не вѣдомо съ чего и для чего вздумалося нашему Историку уподобить праотцовъ своихъ Калмыкамъ; я думаю, ежели спросить его о семъ, не другое что въ отвѣтъ скажетъ: „я не помню „что я думалъ тогда, какъ сіе писалъ;„

какъ показано выше на стран. 31. § VII.

9. Князь Щербатовъ не зналъ какой то былъ народъ Вятичи, и гдѣ онъ жилъ, а слыхалъ, что есть рѣка Вятка, разсудилъ, что необходимо надобно Вятичамъ жить на Вяткѣ, и для того означая предѣлы древнія Россіи, говоритъ: „Власть Князя Кія въ одну „сторону простиралася до Вятки. . . . и такъ „отъ устья Буга до Вятки пространства „Кіевской области было 14 градусовъ, что „дѣлаетъ 1456 верстъ.„ стр. 123. Переселяжъ Вятичей съ верховья Оки на Вятку, нужда *заставила его перевести* тудажъ и Козаровъ, живущихъ на Днепрѣ, дабы удобнѣе могли они сбирать дань съ Вятичей; и послѣ на стр. 103 въ недоумѣніи говоритъ: „Ежели „Козары жили на Волгѣ и владѣли Вятичами, „то сумнительно по далекости мѣстоположе„нія брать имъ дань съ Сѣверянъ и Полянъ.„ Потомъ забывъ самъ себя, на стр. 195 пишетъ: „Кіевляне отъ Козаръ великія на„силія терпѣли;„ слѣдственно, по словамъ симъ, Козары не въ дальномъ разстояніи отъ Кіева жили.

По нѣкоторомъ времени дошла надобность сказать о походѣ Князя Георгія изъ Ростов-

скихъ его областей въ Вятичи; какимъ же путемъ туда его Князь Щербатовъ повелъ? вмѣсто, чтобъ отправить его въ низъ по Волгѣ, обратилъ за Калугу къ Козельску. „Князь Георгій пошелъ въ Вятичи, и не до-„шедъ до Козельска, остановился„ стр. 224. Такой путь чтобъ ѣхать изъ Ростова на рѣку Вятку чрезъ Козельскъ, подобенъ тому, когдабъ кто изъ Петербурга поѣхалъ въ городъ Архангельской чрезъ Ригу. Ѣдучижъ изъ Ростова въ подлинное жилище Вятичей, Калуга и Козельскъ будутъ дѣйствительно по дорогѣ, ибо *Вятичи жили въ тѣхъ мѣстахъ*, гдѣ нынѣ Орелъ, Кромы, Болховъ, Бѣлевъ, Козельскъ и проч.; а Вятка рѣка, на которой за благо разсудилъ Князь Щербатовъ Вятичей поселить, нѣсколько вѣковъ послѣ пріобрѣтена Новгородцами, а совершенно присоединена въ предѣлы Россіи въ 1490 году.

10. „Олегъ бѣгущій во градъ отъ толпы „народа, съ обрѣтающагося мосту у града „чрезъ рѣку Греблю столкнутъ.„ стр. 239.

Не одну рѣку Стыръ, текущую подъ городомъ Луцкомъ, назвалъ Греблею, но и другія, на коихъ у Нестора показаны плотины. При первомъ случаѣ приносилъ онъ кое-какіе

извиненія, но вторично впадши въ тужъ погрѣшность, надобно сыскать другія, что чаятельно будетъ потруднѣе.

11. „Владимиръ послалъ къ Рогвольду „Князю пришедшему изъ заморья и овладѣвшему Полоцкомъ, отъ котораго Турове или „Туровцы также прозвалися„ стр. 241.

Левекъ послѣдуя Князю Щербатову, а Леклеркъ Левеку, тожъ написали, и послѣдній къ заблужденію первыхъ прибавя свои догадки, бытіе сіе вовсе изъуродовалъ: въ Примѣчаніяхъ моихъ на него объяснилъ я словъ его нелѣпость, Т. I. §. XX. Чтобъ не повторять написаннаго мною тамъ, здѣсь въ кратцѣ объяснюся. Рогвольдъ былъ изъ числа Князей пришедшихъ съ Рурикомъ, и отъ него получилъ Полотскъ во управленіе или въ удѣлъ себѣ; слѣдственно пришелъ онъ не изъ заморья, а изъ за Ладожскаго озера, которое Несторъ вездѣ моремъ называетъ, по причинѣ его величины. Туровцыжъ не отъ Рогвольда названіе себѣ получили, а отъ города Турова, въ коемъ они жили; городъ же сей названъ по имяни Князя Тура обладавшаго имъ, какъ точно Несторъ показываетъ: „бѣ бо Рогволдъ „пришелъ изъ Заморья, имѣяше власть свою

„Полтескъ, а Туръ въ Туровѣ, отъ негожъ и „Туровцы прозвашася „ Послѣ, сей самый городъ данъ былъ Владимиромъ въ удѣлъ сыну его Святополку.

12. „Обратя Владимиръ изъ Червенскихъ „Польскихъ мѣстъ путь свой на Полдень, „побѣдилъ Вятичей.„ стр 247.

Кто пожелаетъ сообразить Вятку и Вятичей съ Польшею, тотъ увидитъ, что путь Владимировъ былъ не на Полдень, а на Востокъ. Изъ Червенскихъ мѣстъ ѣдущій на Полденъ приѣдетъ къ Черному морю, а не на Вятку и къ Вятичамъ.

13. „Предпрїявъ походъ на Ссолы.... На„родъ сей пошелъ Россїйскїе предѣлы опу„стошать; но какъ уже опустоша Юрьевъ, „Ссолы доходили до Пскова, тогда Псковича „въ конецъ ихъ разбили, и взяли съ нихъ „тысячу гривенъ и неисчетное множество „соли „ Т. II. стр. 7.

Въ Лѣтописяхъ написано, что Ссолы весною около Юрьева дни, сирѣчь въ Апрѣлѣ, пришедъ повоевали Псковскїе предѣлы; что Псковичи и Новгородцы вышедъ противъ ихъ имѣли съ ними жестокой бой, на которомъ побито Рускихъ до тысячи человѣкъ; а Ссоловъ

безчисленное множество; но о Юрьевѣ городѣ или селѣ, также и о взятьѣ съ нихъ тысячи гривенъ и множества соли не упоминается. Чтожъ причиною толикаго разнорѣчія? Сходство названія Юрьева дня съ Юрьевымъ городомъ, и народа Ссолы съ словомъ соль, примѣшавшееся къ недостаточному разумѣнію стариннаго слога Лѣтописей; при маломъ вниманіи, причиною были порожденія сея небылицы.

14. Въ Несторѣ написано: „Въ се же лѣто „побѣдиша Зимегола Всеславичи всю братью, „и дружины убиша 9000;„ сирѣчь народъ Земиголы побѣдилъ всѣхъ братьевъ Всеславичевъ, и побили у нихъ войска 9000 человѣкъ. Князь Щербатовъ написалъ: „сыновья Всеслава Брячиславича побѣдили нѣкоего Зимегора, у котораго войска побили „9000, но кто былъ и какого народа сей „Зимегоръ Всеславичь, и гдѣ сія война производилася, неизвѣстно.„ стр. 80.

Весьма извѣстно для тѣхъ, кои читая Нестора разумѣютъ чтомое: Всеславичи были братья, сыновья Князя Всеслава Брячиславича, изъ коихъ двое Борисъ и Глѣбъ по Лѣтописямъ извѣстны; имѣли они удѣлы

въ Полоцкомъ княженіи; войну имѣли съ народомъ имъ сосѣднимъ, называемымъ тогда Зимеголы, а нынѣ Семигалы, и были отъ того народа побѣждены. Ежели бы и Князь Щербатовъ поболѣе вниманія употреблялъ при чтеніи Лѣтописей, то бы не превратилъ цѣлой народъ въ одно лице, не назвалъ бы его Зимегоромъ Всеславичемъ, и не сдѣлалъ бы его изъ побѣдителя побѣжденнымъ. Осторожность и вниманіе и въ самой темнотѣ открываютъ нѣкоторой слабой блескъ, которой по меньшей мѣрѣ не допуститъ сбиться вовсе съ тропы и попасть по уши въ грязь.

15. „Мстиславъ послалъ къ нѣкоему „Турпѣю, котораго по именованію почитаю „быть Княземъ Половецкимъ, дабы онъ при„шелъ къ нему на помощь. . . . Ростиславъ „не попустя Турпѣя перейти чрезъ Днепръ, „чтобъ соединиться со Мстиславомъ, раз„билъ бывшіе подъ предводительствомъ его „войски, самаго плѣнилъ и привелъ въ Пере„яславль.„ стр. 192.

Мстиславъ посылалъ не къ нѣкоему Турпѣю, но къ Торпѣямъ, то есть Торкамъ, кои во многихъ мѣстахъ Лѣтописей Торпѣями названы, живущимъ въ Переяславской области,

и къ войску Ростиславлю, вѣдая ихъ преклонность къ отцу своему Изяславу, чтобъ они передались къ нему за Днепръ, гдѣ онъ тогда въ Каневѣ пребыванїе имѣлъ. Мстиславъ и не обманулся въ своей надеждѣ, ибо многїе изъ нихъ совокупяся пошли было къ нему, но Ростиславъ провѣдавъ благовременно о ихъ заговорѣ, переняль ихъ на дорогѣ у самаго уже Днепра, и всѣхъ захватя привелъ въ Переяславль. Сїе самое и краткїе слова Нестора печатнаго свидѣтельствуютъ. „Мстиславъ же посла на ону страну ко Турпѣемъ „и ко дружинѣ, веля имъ ѣхати къ себѣ . . . и „изгони Турпѣй у Днепра и поима я, и приведе къ Переяславлю „ Ясно, что не объ одномъ лицѣ говорится, а о многихъ; не сказано ко Турпѣю, но ко Турпѣемъ и ко дружинѣ; не велѣлъ ему, но веля имъ; не изгони Турпѣя, но Турпѣй. Съ чегожъ вошла въ голову такая мысль, что Турпѣй былъ Князь Половецкїй, что шелъ на помощь ко Мстиславу, и что войска его разбилъ Ростиславъ, и самаго Турпѣя въ полонъ взялъ? пусть Читатель самъ рѣшитъ.

16. „Половцы пришли на урочище имянуемое Быстрая Сосна.„ стр. 245.

Быстрая Сосна не урочище, но рѣка, рѣдкому невѣдомая. Двѣ Сосны рѣки въ Россїи, и обѣ по Исторїи знаменитыя: одна называется Быстрая Сосна, а другая Тихая Сосна; и обѣ впадаютъ въ Донъ. Первая, о которой настоитъ рѣчь, впадаетъ пониже Лебедяни около 40 верстъ, а вершина ея не въ дальномъ разстоянїи отъ верховья рѣки Оки; впадаютъ въ нея многїя рѣчки, изъ коихъ нѣкоторыя по Лѣтописямъ извѣстны, яко Хвошна, Тимъ, Труды, Любовша, Ливны, Кщенева, Олымъ, Чернава, Ворголъ и Елецъ.

17. „Кучка Ивановичь хотя подданной „Россїйской былъ, а паче Князю Георгїю, въ „областяхъ котораго онъ жилъ; но по приходѣ „Георгїевомъ въ то мѣсто, гдѣ нынѣ городъ „Москва; видя Кучка съ Княземъ не великое „число людей, не только не хотѣлъ никакого „почтенїя должнаго отъ подданнаго своему „Государю сдѣлать, но и поносительными „словами его ругалъ.„ стр. 249.

Надобно, чтобъ Кучка или сошелъ съ ума, или не зналъ въ лице своего Государя; но того и другаго невозможность доказывается тѣмъ, что Кучка тогдажъ былъ у Князя Георгїя Тысяцкимъ, сирѣчь въ числѣ знат-

ныхъ его людей. Правда, что Князь Георгій убилъ Кучку за причиненное ему оскорбленіе; но за оскорбленіе совсемъ другаго рода, а именно: Кучка будучи совершенно свѣдомъ, что жена его питала въ сердцѣ своемъ къ Князю Георгію недозволительную страсть, а можетъ быть и по пустому ее къ нему ревнуя, дождавшись какъ Князь выѣхалъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ нынѣ Москва, и которые тогда во владѣніи были у Кучки, жену свою посадилъ въ темницу; о чемъ Князь Георгій бывъ увѣдомленъ, возвратился съ пути, убилъ Кучку, а жену его и дѣтей взялъ съ собою. Вотъ настоящая Исторія, и вотъ оскорбительныя слова, коими ругалъ Кучка Князя. Не понимаю я, для чего Князю Щербатову вздумалось предпочесть небылицу истинному или по крайней мѣрѣ вѣроятному бытію, тѣмъ паче, что оно и съ сказаніемъ Лѣтописи и съ обстоятельствами произшествія согласуетъ.

18. „Краткое повѣствіе о посаженіи Ли„товцами Князя Изяслава Ярославича на „Луки„ и проч. стр. 421....

„Сіежъ самое намъ показуетъ, какъ далеко, „по крайней мѣрѣ въ сей части, границы Ли-

„товскія простирались въ Россіи.„ стр. 422.

Въ мечтѣ токмо Князя Щербатова обносимое, а не въ самомъ дѣлѣ существовавшее бытіе заставило его распространить столь далеко Литовскія границы. Недоразумѣніе его тоя Лѣтописи, съ которыя онъ заимствовалъ пишучи сіе мѣсто въ Исторіи своей, породило въ головѣ его сію небылицу. Въ Лѣтописи той пишетъ: Преставились два сына Ярослава Владимировича, Изяславъ, которой сидѣлъ „въ Великихъ Лукахъ отъ „Литвы„ и Роститславъ при отцѣ въ Новѣгородѣ; и сего образа вѣщанія, общаго всѣмъ Лѣтописямъ, Князь Щербатовъ не понявъ, тѣмъ удивительнѣе, что онъ весьма часто употребляется въ Розрядныхъ книгахъ, кои должны быть ему весьма извѣстны, вообразилъ, что Изяславъ въ Луки Литвою былъ опредѣленъ, а по тому и догадаться былъ долженъ, что сей городъ Литовцами былъ взятъ. Чудное мыслей сплетеніе родившихся изъ ничего. Наши Лѣтописцы, при всякомъ случаѣ, когда надлежало сказать, которой Князь или Бояринъ въ какомъ городѣ былъ Воеводою или Намѣстникомъ, не писали иначе какъ такимъ образомъ: на при-

мѣръ: такой то Князь сидѣлъ въ такомъ-то городѣ отъ Лифляндскихъ Рыцарей; такой то Бояринъ посаженъ былъ въ такой-то городъ отъ Литвы, отъ Еми, отъ Крымцовъ и проч.; сирѣчь опредѣленъ былъ въ тотъ городъ отъ Великаго Князя для охраненія его отъ Лифляндскихъ Рыцарей, отъ Литвы, отъ Татаръ и проч.; а отнюдь не то, чтобъ тотъ Князь или Бояринъ Литвою или Татарами въ оный городъ былъ посаженъ. Естьли читая Розрядныя книги, такъ сіи слова разумѣть, то не останется ни одного пограничнаго города подъ державою Россійскою, а все должно будетъ отдать Литвѣ, Татарамъ или другимъ народамъ. Оставляя недоразумѣніе смысла словъ сихъ, не меньше должно дивиться тому, какъ можно было представить въ умѣ своемъ такую несправочность, здравому разсужденію противорѣчущую, за бытіе возможное или вѣроятное? Литва взяла городъ Луки, не сказавъ когда и какъ, и кто о томъ свидѣтельствуетъ; посадила въ немъ на княженіе сына Князя Новгородскаго, не предваривъ прежде Читателя, какъ онъ туда попался, въ плѣнъ ли взятъ, или отъ отца своего

бѣжалъ и предался, яко измѣнникъ къ непрïятелямъ своего Отечества. Положимъ то и другое быть возможнымъ, но какъ бы Литва столь была легковѣрна, чтобъ отдала въ удѣлъ или опредѣлила въ кормленïе сыну такой городъ, которой передъ тѣмъ лишь только отъ отца взятъ и граничитъ его владѣнïю, да еще и сыну такому, которой отцу своему, какъ Исторïя свидѣтельствуетъ, всегда былъ преданъ и покоренъ. Правда, однакожъ, что Великïе Луки были подъ Литвою, но когда? чрезъ триста лѣтъ спустя, а именно при Королѣ Стефанѣ Баторïи, которой взялъ сей городъ въ 1490 году, и послѣ вскорѣ, по учиненному мирному постановленïю, паки возвратилъ Россïи.

19. Продолженïе прежняго: „Ярославъ по „кончинѣ сына своего Изяслава не требовавъ „отъ Литовцевъ дозволенïя, градъ Великïе „Луки къ Новогородскимъ областямъ присо„единилъ.„ стр. 422. И еще: „Литовскïе на„роды не переставали имѣть неудовольствïе „на Новогородцевъ, чаятельно, за отнятïе у „нихъ Великихъ Лукъ.„ стр. 424. Сколько надѣлали Князю Щербатову труда сïи краткïе слова: „сидѣлъ отъ Литвы!„ Много по-

терялъ онъ времени въ тщетныхъ размышленiяхъ, розысканiяхъ, вымыслахъ, какъ бы составить предложенную имъ небылицу лучше, пристойнѣе и вѣроятнѣе; но ни силъ, ни искуства его недостало.

Всѣ приведенные мною мѣста суть только цвѣточки, а ягоды оставилъ я для переду; однакожъ и тѣхъ кажется довольно для доказательства, что я зналъ чѣмъ бы могъ охулять его Исторiю; но какъ ни о сихъ, ни о другихъ многихъ, о коихъ теперь умолчеваю, погрѣшностяхъ его донынѣ свѣту не открывалъ, слѣдственно охуляя Леклерка его не подразумѣвалъ, и причинить ему тѣмъ досажденiе, отнюдь намѣренiя не имѣлъ.

§ XXIII.

Въ окончанiи письма своего Князь Щербатовъ пишетъ, что онъ долго колебался въ намѣренiи писать противъ меня, „страшася, „говоритъ, убавить силы и важности у такой „книги, которая противу охулителя отечества моего сдѣлана;„ то есть убавить силы и важности у Примѣчанiй сочиненныхъ мною противъ Леклерка. На что не за излишнее считаю сказать, что страхъ его былъ ка-

сательно сказаннаго напрасенъ; ибо я увѣренъ совершенно, что прописанные возраженія его на нѣкоторыя статьи изъ нихъ, силы и важности ихъ ни мало не убавятъ, а паче во мнѣніи тѣхъ, кои сіи мои объясненія прочтутъ. Никакія ухищренія разума, хитрости словоплетенія, козни въ доводахъ и умышленныя двоемыслія въ словахъ и въ предложеніяхъ истинны отъ проницательныхъ взоровъ Публики не укроютъ, и сужденіе ея пристрастнымъ не сдѣлаютъ. Есть можетъ быть въ сказанномъ сочиненіи моемъ нѣкоторые недостатки и погрѣшности, которыя легко я могъ учинить, или по скорости написанія моего онаго; или по моему недостаточеству въ знаніи и малой разборчивости въ вещахъ; но не тѣ, кои Князь Щербатовъ письмомъ своимъ думалъ открыть Свѣту, а другія, которыхъ онъ не видѣлъ и не примѣтилъ. Я оставляю Публикѣ судить, кто болѣе имѣлъ причины негодовать, Князь ли Щербатовъ на меня, что я иначе понималъ вещи нежелъ онъ, или я на него, за то, что онъ желалъ показать мои ошибки тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Также и то остается ей рѣшить, кто изъ насъ долженъ болѣе имѣть причинъ ко опасенію относительно сказаннаго.

§ XXIV.

Наконецъ увѣряетъ Сочинитель письма Прiятеля своего, что ежели я и захочу на письмо его возражать, то онъ отвѣтствовать на возраженiе мое не будетъ; стр. 144..... Въ разсужденiи правости моей и въ слѣдствiе оной приведенныхъ мною ясныхъ и неопровергаемыхъ доводовъ на его на меня жалобы, поклепы и охуленiя, увѣренъ я конечно и безъ предварительнаго его отзыва, что отвѣчать онъ на сiе возраженiе мое не будетъ; чѣмъ и я не меньше доволенъ останусь, что не принужденъ буду суесловiемъ заниматься. ,,Лучше, по истиннѣ, употребить время свое про- ,,свѣщать разумъ свой,,, какъ говоритъ Князь Щербатовъ, нежель тратить его на возраженiя и оправданiя, противу своей склонности и желанiя. ,,Досужность, по слову одного любо- ,,мудрца, есть дражайшее благо въ жизни, не ,,по тому, что человѣкъ ничего не дѣлаетъ, ,,но по тому, что имѣетъ способъ дѣлать что ,,захочетъ.,, Сими словами Отвѣтъ мой заключивъ, употреблю мой досугъ на лучшее и полезнѣйшее.

КОНЕЦЪ.

65 (Мисрит)
Вар эне 80.81
Френк